

84РБК
А59

Римма Лобова

*Старый
сад*

ЗЧРБ К
168.

Римма Лобова

Старый сад

РАССКАЗЫ

г. Ленинск-Кузнецкий,
2012 г.

95769 (3)

ОБ АВТОРЕ

Лобова Р.Н. родилась в 1933 году в приволжском городе Мелекесе, ныне Димитровграде, Ульяновской области. С 1955 года, после окончания Ульяновского пединститута, жила и работала в г. Ленинске-Кузнецком Кемеровской области, преподавала в школе английский язык. Ветеран труда, трудовой стаж - около 35 лет. Кроме медали за труд, награждена юбилейной медалью в честь 100-летия В.И. Ленина, а за книгу «Следы памяти» была награждена медалью «За веру и добро» губернатором А.Г. Тулеевым.

Литературным творчеством стала заниматься после выхода на пенсию, является членом городских литгрупп Лик и Парус. Её стихи и прозу печатали в местной прессе. В данной книге читателю предоставлены рассказы автора.

Г. Ленинск-Кузнецкий
АБОНЕМЕНТ

Р.Н. Лобова
1955-1990 гг.
МБУК «Ленинск-Кузнецкий»

Старый сад

Памяти моего деда

Если когда – нибудь вам придётся плыть на пароходе по Волге в том месте, где начинается Куйбышевское

водохранилище, вы обязательно обратите внимание на зелёную рощицу на высоком берегу Волги. Весной роща покрывается бело-розовым цветом – это цветут яблони старого, заброшенного сада, некогда посаженного в своём селе крестьянином Топорковым. При советской власти село подлежало затоплению в связи со строительством Куйбышевского водохранилища, и сад чудом оказался вне зоны затопления на самом берегу этого рукотворного моря. Сюда по осени приходили люди за яблоками, стараясь найти вкусные яблоки со старых яблонь, поскольку там выросли дички, и яблоки у них были кисловатые. А некоторые собирали яблоки на воде: яблоки со старых нависших над водой яблонь падали в воду, а рыбаки на лодках их вылавливали.

История этого сада началась ещё до революции. Километрах в трёх от Волги, на крутом её берегу, когда – то давно обосновалось село Никольское. Население села росло с каждым годом – сюда, поближе к кормилице Волге, съезжались люди разных национальностей: поволжские татары, мордва, чуваша – село по составу населения было многонациональным. Жили дружно между собой. Для православных в селе была построена церковь, в которую ходили и татары, принявшие православие, ну а те, кто исповедовал свою веру, молились своему Богу дома – им никто не мешал.

В селе было много зажиточных крестьян и среди русских

и среди татар, мордвы, чувашей. Эти семьи, как правило, имели крепкое хозяйство, сеяли хлеб, держали скотину. Конечно, в этих подворьях были лошади, как мерило зажиточности – ведь без лошади ни поля не вспашешь, ни сена не заготовишь, ни дров на зиму не привезёшь. Безлошадные семьи считались беднотой, летом они уходили на заработки в рыболовецкие бригады или нанимались на работу к зажиточным крестьянам, чтобы заработать себе хлеб на зиму. Хозяева при расчётах осенью с наёмными рабочими часто обманывали их, скупились платить им заработанный хлеб. В отличие от других хозяев, Топорков всегда честно расплачивался с работниками, никого не обижал и кормил хорошо – его работники уважали и просились к нему на работу заранее. Многие считали его чудаком в селе – из города привозил газеты и журналы и обучал грамоте детей с малых лет. Удивились, когда однажды он привёз из города целый воз разных саженцев – одних только яблонь было сортов пять – и посадил их около дома. Сажали всей семьёй. «Вот будет расти сад у нас! На такой земле не только хлеб можно выращивать, но и сады разводить!» – сказал тогда сельчанам Топорков. Посадки были огорожены от скотины и сад стал набираться силы. Через два года собирали урожай вишни и смородины, малины и крыжовника, а года через три пышно зацвели яблони и стали родить вкусные яблочки, которые до этого времени мало кто ел, а некоторые не видели, как они растут. Не жадничал хозяин сада, вынесет, бывало, корзину яблочек сельской детворе, сами поедят и домой возьмут своим. Глядя на Топоркова, и другие сельчане стали разводить сады у своих домов.

До сих пор край этот считается яблочным, коренные жители всегда тебе посоветуют, какие яблоки следует покупать на базаре, какой сорт летний, а какие до осени нельзя рвать с дерева. Здесь каждый легко отличает сорт яблочек Папировка от Аниса, он знает, что Антоновка хороша для еды зимой, а Белый налив – летний сорт, он долго не хранится.

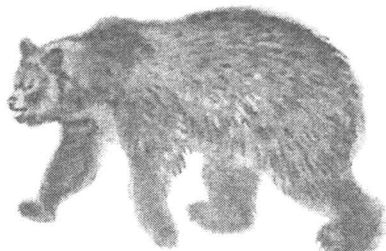
Так чудак крестьянин положил начало разведению садов в этом крае. К началу образования колхозов дети Топоркова разъехались по разным городам, и они с женой остались одни в большом доме. И снова он удивил мир честной, как говорят на Руси, своим решением – он добровольно вступил в колхоз, отдал свой дом под сельсовет, а сад стал колхозным. Сам же Топорков стал жить при доме в качестве сторожа при сельсовете и при саде. А жена переехала жить к старшей дочери в город. До войны сад приносил колхозу немалые барыши – яблоки продавались на базаре, поставлялись в детские дома и больницы. Во время войны, пока был жив сторож и за садом был присмотр, яблоки поставлялись в госпиталю и детские дома. Однажды Топорков самолично отвёз яблоки в город детскому дому, где нашли приют спасённые ленинградские дети. Умер Топорков в середине войны, и сад после него уж никто не стал сторожить – людей тогда не хватало, фронту нужны были хлеб, фураж, и председатель колхоза разрешил женщинам–колхозницам собирать яблоки и половину сдавать в колхоз. Эти яблочки тогда были очень кстати для всех людей, здоровье которых подорвала война. После войны сад постепенно дичал без должного ухода, зарастал молодой порослью, много старых яблонь погибло, и постепенно он превратился в рощу для гуляний сельской молодёжи. Весной яблоневый цвет обрывали для букетов, осенью туда ходили за яблоками, в основном сельская детвора, чтобы найти вкусненькое яблочко. И находят ведь ещё!

Склоняются старые корявые яблони над Волгой, рассыпая по весне бело-розовый цвет по воде, разливая нежный аромат по округе, а осенью роняют спелые яблоки в воду. И плывут они, подхваченные течением, возвещая всем о том, что жив старый сад и что он радуется ещё людям. В этих местах и поговорка своя сложилась: осенью мужики, собираясь на рыбалку, говорят: « Рыбы не поймаю – яблочко наловлю!»

2007 год.

Таёжная встреча

Дед Иван был коренным сибиряком. Всю жизнь он охотился в тайге на зверя или ловил рыбу на своей старой лодке. Каких только историй с ним ни приключалось! Сейчас ему под девяносто лет, часами сидит он на лавочке у дома и греет свои старые кости на солнышке. Не раз собиралась молодёжь и детвора у его лавочки послушать его были-рассказы, а дед рассказывал всегда интересно и с юмором. Многие его рассказы я и сейчас помню и один из них я представляю вам.

Собрались мы как-то с братом Илюшкой порыбачить и отправились спозаранку на лодке вниз по реке Бие. Брату, помнится шёл двадцатый год, а я был моложе его лет на пять. Рыбы в реке тогда было много, не то что сейчас и мы ловили рыбу на короткие удочки. Было тихо, клёв был хороший, и мы только и делали, что вытаскивали из воды рыбу - то я, то Илюшка. К вечеру с богатым уловом мы медленно поплыли домой. А дома нас ждали - давно все домочадцы не ели свежей ухи, да и жареная свежая рыбка ох как вкусна! Шли мы теперь вверх по реке против течения, поэтому мы плыли медленно, гребли по очереди. Плывём, любимеся природой - кругом такая красота!

Природа у нас в Сибири богатая, невольно заглядишься на эту красоту. Вдруг видим: в одном месте берег оброс весь малинником, который горел от спелых красных ягод. А берег был крутой и обрывистый, кое-где его укрепляли корни крупных деревьев да кустарников, ветки которых спуска-

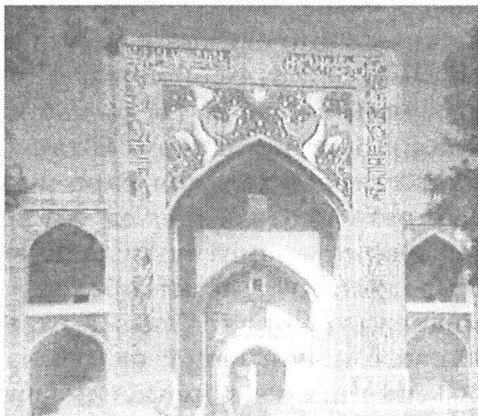
лись к воде. Нам тогда так захотелось малинки поесть с братом – молодые были, от сладкого не отказывались. Стали думать, как забраться на этот крутой берег. И решили так: один из нас остаётся в лодке, чтобы удерживать лодку, держась за ветки – течение реки относило лодку по течению вниз, а другой попробует забраться на берег и нарвёт малины. Лодку подогнали под нависшее дерево, для страховки привязали лодку за куст. Я взял тару: кружку и жестяную банку, какую всегда можно было найти в любой лодке. Рассовав тару по карманам, я еле-еле, держась за кусты и ветки деревьев, забрался на берег, изрядно ободрав руки колючками шиповника и маличника. Ягоды было видимо-невидимо, да крупная такая! А сладкая какая! Я после никогда такой не ел. Я тогда набросился на малину и больше клал в рот, чем в тару. Я так увлёкся, что не заметил, как наполнилась вся моя тара и пожалел, что больше некуда собирать ягоду и решил немного поесть ягод. Я горстями клал в рот ароматную сладкую малину и вдруг, раздвинув очередной куст, я остолбенел – прямо перед собой я увидел медвежью морду! Глаза в глаза! Медведь стоял на задних лапах и одной лапой он держал куст малины, который он объедал. Увидев меня, он застыл, как вкопанный, держа ветку у морды. У меня от страха онемели ноги - я не мог сдвинуться с места. Не знаю, сколько времени мы стояли так друг против друга, но медведь первым отвернулся от меня, опустил на передние лапы и медленно поковылял вглубь леса. Я же, придя в себя, кинулся к лодке. Не помню, как я в ней оказался, помню, как я кричал брату: «Там медведь! Скорее отвязывай лодку! Гребь быстрее!» Мы были уже далеко от этого места, когда я, наконец, пришел в себя. Брат, еле удержавший лодку от сильного крена, потом долго смеялся надо мной: «Да, напугал тебя этот медведь, ну и струсил же ты! Зато малинки поел! А прыгаешь ты точно!» И долго потом надо мной все в деревне смеялись – я же был весь ободранный: и лицо и руки. Неделю не по-

казывался на улицу – мать лечила меня примочками с отварами трав, а ягод – то я тогда брату все – таки принес, хотя половину из тех, что собрал, рассыпал, когда убежал от медведя. Ну а он, наверняка, не один куст тогда объел, сладко – ежка таежный!

Август 2002 года.

Бухарские мотивы

Я бывала в Узбекистане несколько раз, еще тогда, когда он входил в состав СССР. Помню свой первый приезд в Бухару к дочери – она там работала после окончания техникума. До этого она писала нам восторженные письма из Бухары о том, что там всё необычно – небо ночью темное – претёмное, луна большая и яркая –

преярякая, а люди одеваются не так, как у нас. Поехала я первый раз туда глубокой осенью, у нас уже был снег, а в Бухаре была жара, у домов зеленели виноградные лозы, висели спелые грозди винограда – рви и угощайся! Да, многое меня тогда удивило – узбек-милиционер, который прохаживался по своему участку с кинжалом за поясом вместо пистолета. Удивила и яркая одежда узбечек – это сейчас в любом городе на базаре можно увидеть представительниц средне-азиатских стран в своих одеждах, а раньше этого не было. Узбечки с детства обязательно носят цветные штаны, халаты, яркие цветные платки, тюрбетейки. Наконец, я сразу обратила внимание на то, что мужчины и женщины в

Бухаре очень красивы своей внешностью. Эту особенность мне потом объяснили так: бухарские эмиры всегда держали в своих гаремах самых красивых наложниц, привезённых со всех концов света — от них и пошла потом эта красота. И действительно, при посещении Ташкента я обратила внимание на то, что ташкентские узбеки отличаются от бухарских узбеков. У ташкентских узбеков черты лица грубее. Тогда же я отметила особо уважительное отношение молодёжи местной к старшим — если в автобус заходит пожилой человек, ему сразу же уступают место. Такое уважение к старшим и нам следует воспитывать у нашей молодёжи. Бухара город областной, но в нём так много патриархальности, древней восточной старины, что кажется, вся цивилизация только краешком задевает её. Трамваев и троллейбусов в Бухаре нет, только автобусы и старые маршрутки. Дороги там ровные, прямые, так как местность та является продолжением пустынь Кара-Кум и Кызыл-Кум. В старом городе улицы узкие, везде глухие стены с калитками, за которыми прячутся дворы с жилыми постройками. Эти улицы с дувалами сохранились с древности, когда жителям приходилось защищать себя от врагов. В древности Бухарский эмират окружала высокая стена, и было в ней 12 ворот, которые охранялись и на ночь запирались. После набега татаро-монгольского войска эти укрепления сильно пострадали, а до наших дней сохранились одни развалины, но по этим развалинам можно судить о том, какими высокими были эти стены. В настоящее время у одних таких разрушенных ворот возник базар, один из многих в Бухаре, а базары там многолюдны, разношёрстны, шумны и ярко-красочны по восточному. Бухара давно вышла за границу своих древних ворот, возникли новые жилые районы, но дома там строят не выше 4 этажа из-за повышенной сейсмичности этих мест.

До сих пор помнят все о землетрясении в Газли, и Бухару тогда трясло, а землетрясение в Ташкенте разрушило

весь город, и восстанавливали его всей страной. На его стройках работали и русские, и украинцы, узбеки и татары, казахи и белорусы, и люди других национальностей России. Климат там жаркий, я бы так его назвала – пустынный и сухой. Весь город прорезан арыками, по которым в жару пускают воду. Центральный арык самый широкий и полноводный, как река, проходит по всему городу. Все постройки в старом городе – мечети, медресе, минареты, дворцы давно не реставрировались. Во время моего первого приезда в город Бухара начала готовиться к своему юбилею – ей будет 2500 лет! Это поистине древний город! В настоящее время в городе началась реставрация всех исторических мест, старых зданий. Всё отделяется обязательно с голубой глазурью и исконно узбекскими орнаментами. После первого посещения Бухары я сочинила оду этому городу – такое он оказал на меня впечатление.

Бухара! Ты старый город древний,
Землю твою топтала монгола нога -
Дотла тогда сожгли тебя пришельцы,
Но возродилась ты, чтоб сохранить себя.
Слились купола здесь с синью небесной,
Здесь встретить ты можешь древний арык,
Здесь много мечетей, медресе, минаретов -
Их стены украшены той же лазурью небес.
Яркостью красок удивляют базары -
Полны они арбузов и дынь.
Осенними днями – хурма королева,
Лепёшки на каждом базаре.

Во второй раз я приехала в Бухару летом и поразились обилию роз в городе на перекрёстках, они здесь называются «кругами», они очень большие и представляют из себя скверы. Эти «круги» засажены деревьями и кустами роз. За каждым таким сквером ухаживает человек, который регулярно поливает растения и наблюдает за порядком. Летом в Бухаре бывает очень жарко, и поэтому днём жизнь в го-

роде замирает, и в это время редко кого увидишь на улице. В квартирах жители развешивают мокрые простыни, полотенца, чтобы повысить влажность воздуха – кондиционеры есть не у всех. Люди периодически поливают водой лестничные площадки в подъездах или просто поливают землю у домов – это спасает от жары на какое-то время. А вот вечером жизнь в городе оживляется: жители выходят с детьми на улицу, идут в кафе, где можно посидеть и отдохнуть от жары. Все кафе под открытым небом, кругом звучит восточная музыка, и так до полуночи никто не спит. У кого квартиры на первом этаже, те семьями усаживаются на топчанах и пьют чай прямо на своих небольших огородиках. Живущим на первых этажах повезло – под окнами у них небольшой огородик, где они высаживают фруктовые деревья и виноград, а также они имеют в своем распоряжении подвальное помещение.

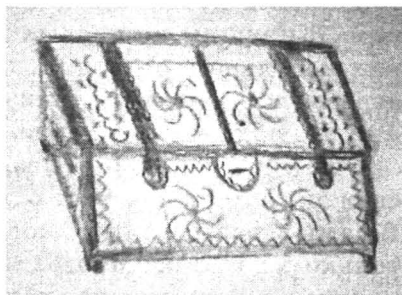
Снега там почти не бывает, если не считать тот скудный снежок, который бывает один-два раза в январе и феврале. В самый разгар зимы, когда у нас морозы, узбеки ходят только в халатах. Много может удивить вас в Бухаре. Однажды в гостях мне не спалось. Я встала и подошла к окну. Мы спали с открытыми окнами, они были закрыты только жалюзи со стороны улицы, которые были обязательной деталью новых домов, так как в окна часто залетали летучие мыши. За окном была глухая ночь, и такая тишина стояла, что казалось, весь город вымер. И вдруг где-то вдалеке прокукарекал петух, за ним – второй, затем третий, четвертый, и вся Бухара огласилась их пением! Минут через пять всё смолкло. Я посмотрела на часы – было ровно три часа ночи. Потом я узнала, что петухи в Бухаре поют каждый час и днем хорошо распевают! Когда ночью слышишь пенье петухов, то кажется, что ты не в областном городе, а в какой-то деревне. А ведь петухи – это традиция историческая. В одной книге о Бухаре я прочитала о том, как богатые ханы и военачальники в прежние времена всегда вози-

ли с собой человека, отвечающего за время. Этот человек имел петуха, ухаживал за ним, и назывался этот петух «будильным». Так в Бухаре петухи выполняют до сих пор роль курантов. В Москве есть кремлёвские куранты, в Лондоне – знаменитые часы Биг-Бэн, ну а в Бухаре своя достопримечательность – «будильные» петухи!

Ноябрь 2003 года.

Сундук

В старом сарае новый хозяин дома, недавно купивший его у пенсионера, обнаружил сундук старинной работы. Подняв тяжёлую крышку сундука, он заглянул туда. Сундук был пуст, но по остаткам комбикорма он понял, что сундук выполнял роль ларя – в нём, видимо, храни-

ли корм для домашней живности. Железо – а сундук был обит железом – во многих местах заржавело и отстало, но внутри он был крепким и сухим. «Вот это сундук! Сколько в нём хранилось добра», – подумал про себя его новый хозяин, рассматривая своё неожиданное приобретение. В углу крышки он заметил какую-то надпись. Возможно, это была фамилия мастера-изготовителя, сейчас её не прочесть, а вот дата чётко читалась – 1909 год. Ого! 1909 год! Этому сундуку уже сто лет! Такой можно увидеть разве только в музеях.

Новый хозяин и представить себе не мог, какую жизнь пришлось прожить этому сундуку за свой век, какие вещи только не пришлось ему хранить под своим замком! Вещи, как и люди, имеют свои судьбы, проживают свои жизни и,

как правило, повторяют судьбы своих хозяев. Этот сундук, о судьбе которого я хочу рассказать, был огромным – в нём свободно могли поместиться сидя два взрослых человека. Он был окован цветными железными пластинами, крышка была тяжёлая и куполообразная, по бокам сундука были приделаны большие железные ручки. Но главной особенностью его было замочное устройство: он открывался огромным ключом, и когда его открывали или закрывали, играла музыка. Первым его хозяином был состоятельный крестьянин, который купил его на базаре, продав в свою очередь молодого серого жеребца. Крестьянин был очень доволен покупкой, так как купил он сундук у известного мастера сундучных дел. Семья стала хранить в нём одежду праздничную и всякие ценные вещи, сам он стал главным украшением крестьянской избы. У хозяина было четверо детей и, когда сундук открывали, они прибежали на его музыку и потом ждали, когда сундук будут закрывать, чтобы ещё раз услышать его перезвон. В такие минуты сундук был счастлив, что приносит радость детям. Один раз в год, летом, все вещи из него доставали и вешали на верёвки во дворе, чтобы просушить на солнце. Сундук стоял полуоткрытым – крышку его распирали двумя палками, он тоже проветривался. Сундук любил такие дни – вокруг него крутились дети и взрослые, и ему не было скучно. Дети подрастали, и он постепенно наполнялся новыми вещами и всё чаще и чаще в доме слышалась его музыка. Сундук стали чаще открывать, когда готовились к свадьбе старшего сына, и сундук своим перезвоном поднимал всем настроение и рад был очень. Не одинок он был и в праздники, когда хозяева, наряжаясь в праздничную одежду, открывали его – снова он радовал всех своей музыкой.

После революции младший сын уехал служить в Красную армию, старший сын отделился от родителей и стал жить с семьёй в собственном доме, одна дочь уехала в город учиться, и содержимое сундука резко уменьшилось – теперь

в нём хранились вещи хозяина и его жены да приданое для младшей дочери, да письма детей, которые теперь жили в разных городах.

В дни коллективизации хозяин сундука, человек умный и не жадный, добровольно отдал в колхоз свой добротный дом с садом и попросился сторожем при саде и сельсовете, который и расположился в его доме. Ему выделили комнату в доме, но жена его с младшей дочерью уехали в город к старшей дочери и забрали с собой сундук.

«Это все наше богатство теперь и дочке приданое», – сказала она на прощание мужу, который знал, как трудно было ей смириться с его решением добровольно все отдать в колхоз, хотя она понимала, что этим самым он и вся семья получили право остаться в родных местах.

Так сундук переехал в город и поселился в городской квартире старшей дочери, и теперь две внучки старых хозяев стали слушать его музыку. Но недолго пришлось прожить сундуку на новом месте. Грянули годы репрессий. Муж старшей дочери был арестован, семье его предложили освободить квартиру, и они переехали жить в дом родителей мужа. Сундук перевозили на машине, загруженной домашним скарбом. Выполняя просьбу мужа, старшая дочь сложила его библиотеку в этот сундук – это были сочинения Ленина и Сталина, Маркса, которыми он очень дорожил. На дно сундука были сложены портреты этих вождей и тех, в кого продолжал верить арестованный. Так сундук хранил это несколько лет, пока не пришел домой реабилитированный зять старой хозяйки. Все это время она вместе с его книгами хранила в сундуке свои иконы и время от времени доставала их и долго молилась. Так сундук долгое время хранил в себе совсем несовместимые, по своей сути, вещи. А перед самой войной семья готовилась переезжать в новый дом, но старой хозяйке не суждено было пожить в нем – она умерла до переезда, и сундук переезжал в новый дом без нее. Сначала его поставили в зал, но потом перенес-

ли в кухню, где ему нашли удобное место. Книги теперь стояли на книжных полках, которые смастерил сам муж старшей дочери, и в сундуке опять стали хранить разную одежду. За годы войны сундук опустел, с одеждой было туго, в семье уже было четверо детей, и им приходилось шить одежду из старых вещей. Сундук теперь не закрывался – во время последнего переезда потеряли ключи, и он стоял молча на своем месте и своим грустным молчанием как бы говорил: «Да, не до музыки там сейчас, идет война!» Шло время, закончилась война, дети выросли и однажды купили для одежды шифоньер – сундуки стали немодными, и наш сундук опустел совсем. Когда к дому была пристроена веранда, его перенесли туда и приспособили под хранение продуктов – зимой хранили в нем замороженное молоко, мясо, масло. Сундук заметно постарел, с него сошел былой блеск, но он все еще приносил пользу хозяевам. Иногда он слушал музыку, которая доносилась из зала – это играло радио, и в такие моменты ему становилось очень грустно потому, что он сам теперь не может своей музыкой радовать людей. А жизнь вокруг не стояла на месте: вместе с телевизорами появились холодильники, и сундук перенесли в сарай, стали хранить в нем комбикорм, и тут сундуку стало совсем одиноко – он привык к человеческому общению, а потом понял: вещи, как люди, живут в общении с другими, а стареют и умирают всегда в одиночестве. Но его утешало то, что он не зря прожил свою долгую жизнь, что всегда был полезен человеку и служил ему верой и правдой.

2007 год.

Рассказ посвящён
А. Ф. Топорковой

Ильма

Был обычный будний день. На автобусной остановке народу было немало. Среди ожидавших автобус, была старушка, которая стояла в сторонке, опираясь на палочку. Когда подошёл автобус, она последней

вошла в салон. Оглянувшись и не увидев свободных мест, старушка скромно встала у стойки.

– Бабушка, идите сюда! Здесь есть место! – услышала она. Она давно уже привыкла к тому, что её называют бабушкой. Все люди в конце своей жизни становятся бабушками и дедушками – это неизбежно. Только вот душа у человека остаётся всегда молодой и никогда не стареет, но молодёжь воспринимает старых людей только бабушками и дедушками, не всегда захочет представить себе, кем была эта бабушка в молодости, как прожила жизнь, что видела, что знает.

Старушка заняла место у окна, напротив неё села немолодая женщина, которая сказала, обращаясь к ней:

– Погода стоит, слава Богу, хорошая!

Старушка, поглаживая свои крупные, с увеличенными суставами, руки ответила:

– Вот руки ломит – погода, должно быть, скоро переменится. Это мой барометр.

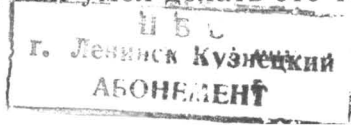
Кто-то в салоне, хмыкнув, сказал с иронией: «Бабка грамотная, про барометр секёт!»

А на неё вдруг нахлынули какой-то горячей волной воспоминания о тех днях, когда приобрела она этот проклятый барометр.

96789 (3)

Никто из пассажиров не знал, что эта бабушка была почётным ветераном труда, имела награды, как и её муж, которого она недавно похоронила. Никто не знал, что у неё есть дети, которые зовут её к себе жить, а она, пока есть силы, никому не хочет быть в тягость, хотя всё чаще и чаще стала задумываться о переезде к дочери. Дом свой ей придётся, конечно, продать, но как представит она, что в её доме будут жить чужие люди, ей становилось горько и одиноко. В этом доме они с мужем начинали совместную жизнь, воспитали троих детей, отсюда ушёл в последний путь её муж. Конечно, силы у неё уже не те, чтобы одной содержать дом, где все удобства во дворе, печное отопление, и за водой приходится ходить к колонке. Сын и дочь живут семьями в новом микрорайоне и, конечно, помогают ей во всём. А огород как всем помогает! Всё лето свежая зелень! А гордость мужа – их небольшая банька – как выручает всех, когда летом отключают горячую воду. Обычно в субботу муж затапливал баню после обеда, к приходу всех. Мужчины таскали воду, наполняя бочку и баки, мылись первыми женщины с детьми, потом шли мыться мужчины и пока они мылись, женщины ставили самовар, накрывали стол для чаепития. Дом был душой всей большой родни, только вот старшего сына редко видели – он жил под Новосибирском с семьёй и последний раз был на похоронах отца.

Суеверной она никогда не была, но сны, которые ей снились незадолго до смерти мужа, заставили её изменить мнение на этот счёт. А снилось ей однажды, будто зовёт её куда-то муж, тянет к ней руки, а между ними река и вода в ней чёрная–пречёрная и вроде она не может до него дотянуться и просыпается. А однажды ещё страшнее приснилось – вроде целое стадо чёрных быков идёт прямо к их дому и ревут, ревут по-страшному. Рассказывая утром или прямо ночью свои сны мужу, она приговаривала: «Не к добру это, не к добру!» «Да будет тебе, Ирина, и ты веришь?» – и обнимает её нежно, как умел делать это только он. Лежат молча, и

она мысленно – в который раз – благодарит судьбу за то, что послала ей в мужа такого человека. Правильно говорят, что у каждого человека своя судьба и что от своей судьбы не уйдёшь. Это она поняла, когда незадолго до конца войны этот высокий, голубоглазый хохол – авиамеханик Михаил – вдруг стал оказывать ей знаки внимания и очень как-то быстро предложил ей выйти за него замуж. Втайне ей всегда нравился этот молчаливый парень, он был намного старше её. Вот уже два года они работали на одном из военных аэродромов – он был военнотружущим, а она была уборщицей, вольнонаёмной. Ей часто приходилось помогать механикам протирать и отмывать моторы и разные детали самолётов. Особого тепла в ангарах не было, особенно зимой, и больше всего страдали у неё руки. И сейчас, стоит только ей помыть огурцы или картошку холодной водой, как занюют её кости, напоминая о военной жизни.

Выросшая в татарском селе на юге Украины, она плохо говорила по-русски, постоянно путала татарские, украинские и русские слова и поэтому мало с кем разговаривала. Никто из работающих с ней не знал о том, что она – круглая сирота, что её мать погибла во время бомбёжки родного села, что привезла её с собой в эвакуацию одна пожилая учительница из школы, в которой она закончила семь классов прямо перед самой войной. Сын этой учительницы служил в этой лётной части в политотделе, он-то и помог устроить её в качестве вольнонаёмной на этот аэродром. К тому времени ей уже исполнилось 16 лет. Выдали ей спецодежду, поставили на довольствие, и началась для Ильмэ, как звала её мать, новая жизнь. Ильмэ была рослой девушкой с крупными чертами лица, мать её была татаркой, а отец – уроженец Кавказа, которого она совсем не знала. Она помнит только, как в детстве мать часто, глядя на неё, говорила: «Вылитая турка!» Видимо, Ильмэ была похожа на отца. Ириной она стала после встречи с Михаилом, он сразу так и определил: по-татарски ты – Ильмэ, по-укра-

ински – Ярина, ну а по-русски ты – Ирина! Так с лёгкой руки Михаила все стали звать её Ириной. Вспомнилось, как однажды он пригласил её фотографироваться – пошла с ним без особой охоты. Он это заметил – он знал, что она считала себя далеко не красавицей и стеснялась этого. И он в первый раз тогда сказал ей: «Знай, Ира, ты моя единственная. Я тебя ни на кого не променяю, знай это!» И за всю их долгую совместную жизнь он ни разу не нарушил своей клятвы. Вместе с его частью она побывала в Польше, а войну они закончили в Маньчжурии, куда потом спешно перебросили их часть и где ещё до них наши десантники в Мукдене задержали убежавшего марионеточного императора Маньчжурии Пу И. На всю жизнь ей запомнилась поездка с мужем в город Мукден. На улицах города было много ещё японцев, не успевших уехать после прихода советских войск. Улицы были продолжением базаров и чего там только не продавалось! Соевые бобы, разные орехи, пампушки с мясом, тут же, за столиками люди что-то ели, ловко подцепляя еду двумя палочками – хаси, как их все здесь называли. Но больше всего удивило их то, что они увидели на улицах рикш, которые перевозили грузы и людей. Дико было смотреть на то, как взрослые люди с довольным видом сидят в коляске рикши, а худой пожилой мужчина бегом везёт их по улице. За какие-то гроши ему приходится бегать весь день, как лошади. «Вот буржуи проклятые!» – вырвалось тогда невольно у Михаила. Ирину ещё очень удивило то, как это японки ходят так быстро в своих деревянных «гэта», да ещё с ребёнком за спиной? Многому они тогда удивлялись – ни он, ни она никогда не были в этих экзотических азиатских краях. Правду молвит пословица – Жизнь прожить - не поле перейти! Долгую жизнь с мужем она считала счастливой, хотя много было и переживаний. Вот хотя бы вспомнить свой приезд к его родителям. Взглянув на невестку, свекровь помрачнела, а сыну потом сказала: «Лучше не нашёл, привёз дрова в лес!» А Ирина сразу

поняла, что не понравилась она свекрови, но зато свёкор оказался добрым да и муж её в обиду не давал и матери тогда как отрезал: «Я её ни на какую другую не сменяю, мать, и не будем об этом больше говорить!»

Свекровь долго не унималась, но когда узнала, что они ждут ребёнка, немного успокоилась. Михаил понимал, что им лучше всего жить отдельно, и молодые решили уехать в райцентр, который со временем превратился в город. Так и воспитали троих детей без бабушек и дедушек, правда, на первых порах помогала тётка Михаила по отцу, к которой они тогда и переехали. Жила она одна, сын погиб на фронте и муж давно умер. Она сама их и позвала – дом большой, на огороде одной тяжело стало управляться, вот и нянчила их детей. И им подмога, и ей радость, а для Ирины она стала матерью. Дом отремонтировали и прожили в нём всю жизнь.

Конечно, было нелегко – всему нужно было учиться: и огородному делу, и домашнему хозяйству. Ирина была трудолюбивой, не гордой, многому научилась у людей. Долго у нее не ладилось с выпечкой хлеба – не поднимался, не пропекался, трескался. Потом соседка подсказала: «Картошки вареной положи в опару!» После этого хлеб стал высоким да вкусным. Однажды к ним в гости из деревни приехал свекор, увидел на столе каравай и спросил: «Где такой хлеб покупаете?» Сын ему с гордостью ответил: «Это моя Ирина печет!» – на что свекор довольно крякнул, взглянув ласково на невестку – он любил ее, как свою дочь, и теперь был рад за нее. «Матери бы послали в гостинец такого хлеба, не откажется!» - хитро ухмыльнулся он. «Пошлем, пошлем ей», - засмеялась Ирина. Обиду на свекровь она не долго держала. Сама стала и тещей и свекровью и, наученная горьким опытом, наделенная обостренным чувством доброты, она старалась быть хорошей тещей и свекровью. Все ее любили: и дети, и внуки, и правнуки. Ей уже 80 лет, скоро умирать, и у нее было одно желание: умереть быстро, что-

бы не обременять родных лишней заботой о себе. И еще: умереть хотела летом, чтобы никто не простудился на ее похоронах. Молодым ведь еще жить да жить.

2000 год.

Судьба Сашки

Памяти моего брата
Лובה А.

Нина Николаевна, учительница русского языка, уже год как на пенсии. После окончания института она приехала в Сибирь на работу по распределению, как это тогда было принято называть, и всю жизнь прожила в небольшом сибирском городе.

Муж её, Дмитрий Дмитриевич или, как все его кратко звали Дим Димыч с лёгкой руки его учеников, вёл в старших классах физику. Выйдя на пенсию, Нина Николаевна сразу почувствовала, что у неё появилась масса свободного времени и что по вечерам вместо проверки ученических тетрадей она может спокойно почитать свежую газету или любимую книгу. А прочитать ей хотелось и предстояло многое! За время работы в школе у неё накопилось множество непрочитанных книг, наспех просмотренных журналов и газет – кипы подшивок хранились до лучших времён. Тот, кто работал в то время в школе, знает, как загружен был учитель посторонними обязанностями вплоть до очистки проезжей части дорог еженедельно. Было время, когда учителей заставляли дежурить в кинотеатрах и наблюдать

за порядком у касс, учителя были обязаны принимать участие в дежурстве по вечерам на улицах города и также по вечерам вместе с участковым милиционером посещать квартиры неблагополучных семей. Тут и говорить не приходится о том, как трудно было учительнице-матери, которая видела своих детей только по воскресеньям, а у Нины Николаевны их было двое и росли они почти самостоятельно, как по Райкину: тут кто-то шлёпнет, там кто-то стукнет, а тот за двойку пристыдит. Ну, слава Богу, уцелели обе дочери, выучились и теперь живут семьями. Только из-за того, чтобы помочь детям в воспитании внуков, она сразу ушла на пенсию – на своём горьком опыте знала, как нужна такая помощь. Дим Димыч продолжал преподавать физику, вечерами писал планы уроков, а Нина Николаевна любила вечерами полистать подшивки когда-то отложенных газет. И вот в один из таких вечеров она стала просматривать подшивку газеты «Ветеран», внимательно просматривала страницы под рубрикой «Награда ждёт героев». Многие из её родни воевали во вторую мировую – погибли двое дядьёв, три двоюродных брата и один пропал без вести. Просматривала и надеялась на чудо – а вдруг? Вдруг тогда, несколько лет назад что-то и пропустила!

И вдруг на одной из страниц, слева, ей бросились в глаза портрет мужчины и заголовок «Кто знал моего отца?»

Она ещё раз взглянула на портрет и подумала: «Что-то очень знакомое в этой фотографии, похож на моих братьев, на Сашку». Она вгляделась в фотографию – точно, это он! Не может быть! От волнения у неё кровь прилила к вискам. Сашка! Это он! Ей было пять лет, когда она видела его в последний раз, но сразу его узнала – это он! Значит он не пропал, выжил! Вся родня жалела тогда Сашку, когда в годы репрессий его арестовали за драку и дали пять лет – с тех пор его никто не видел. Нина Николаевна, не веря ещё в чудо, решила не отвлекать мужа от планов, успокоилась и стала читать заметку под фотографией.

В газету «Ветеран» писала дочь человека, который был на фото, некая Марианна Хаусштейн. На фото был ее отец в молодом возрасте, в 1945 году. Она писала, что отец ее, Георг Ноак, в годы фашизма был заключенным концлагеря Заксенхаузене, недалеко от Берлина. Его туда перевели в 1941 году из тюрьмы в которой он пробыл несколько лет. Она пишет, что отец ее никогда не рассказывал, где он сидел в тюрьме и за что. Он неплохо говорил по-русски и, когда в лагерь стали поступать советские пленные, его выделили старостой блока, в котором содержалось двести человек русских. Далее, она пишет, что отец мало об этом времени рассказывал им, но они знали, что советским военнопленным в этом блоке тайком оказывалась медицинская помощь, для них тайком собирали еду и что после освобождения лагеря Советской армией 198 из 200 человек смогли вернуться на Родину живыми. Она пишет, что до конца своей жизни, а он умер в 1975 году, он оставался верным другом Советского Союза. Поженился он в концлагере в 1942 году и своих детей - сына и дочь - воспитал в том же духе и что много он рассказывал им о Советском Союзе и что теперь у них в ГДР одна заводская организация района Лихтенберг борется за право называться именем ее отца. Она просит всех, кто знал его, откликнуться и дает адрес свой. Сама она работает преподавателем русского языка.

Нина Николаевна прочитала заметку и снова взглянула на фото. Сашка! Но почему не Лобов Александр, а Георг Ноак?

– Дима, разве такое может быть? – спросила она мужа. Газета была за август 1989 года. Прошло десять лет.

– Посмотри, Дима! – обратилась опять она к мужу, показывая фото из газеты, – похож на моего брата Сашку? Я хорошо его помню, хоть и было мне пять лет.

– Что это за фото? Кто это? – спросил муж.

– Невероятно, но мне кажется, что это Сашка, мой двоюродный брат. Помнишь, я тебе о нем как-то рассказывала?

Его вся наша родня не может забыть до сих пор, канул без вести с 1937. Прочитай, пока я найду фото отца, где он по-моложе.

Сличив обе фотографии, муж подтвердил:

– Очень похож. Сашка был его племянником и был похож на своего дядю.

– Вполне может быть. Это он, и по вехам из его биографии многое совпадает – до германского лагеря сидел в тюрьме, знал неплохо русский язык, помогал нашим в лагере, детям рассказывал о нашей стране и воспитал в них любовь к ней, и дочь не зря стала преподавателем русского языка, – рассуждал муж, а Нина Николаевна добавила:

– Это всё наводит на мысль, что он русский, но почему фамилия у него Ноак? Непонятно!

– А ты разве не знаешь, какие невероятные ситуации бывают в жизни людей? Бывает, что человеку иногда приходится жить и под чужой фамилией. Ты вспомни, его посадили в 1937 году, потом началась война, которая всё и вся осложнила в жизни людей.

– Эх, Сашка, Сашка! – Нина Николаевна стала вспоминать о нём всё, что помнила сама и знала от родителей.

Судьба его уже с детства складывалась несчастливо: родители его рано умерли, и он жил с дедом и бабкой по отцу. Отец его Андрей Лобов был братом отца Нины Николаевны, который любил своего племянника – дядя Коля для него был во всём авторитетом. После окончания 7 классов Сашку устроили на завод учеником токаря. Парень он был очень добрым умным, и скоро его приняли в комсомол. Всё складывалось неплохо, и дядя принимал постоянное участие в его судьбе, но тут грянул 1937 год – годы репрессий многим сломали судьбы. Его дядю арестовали по чьей-то подлой анонимке. Время было тревожное, лишнего боялись сказать даже в кругу друзей. И однажды, после работы, Сашка с группой товарищей зашли в бар выпить пива – у них было традицией посидеть в баре после работы и отдох-

нуть в день получки. Заняли свободный столик и сидят разговаривают о делах заводских и вообще за жизнь, как говорится. В разговоре Сашка и посетовал, что мол зря хватают людей, что дядю его ни за что взяли, а с соседнего столика его слова услышал какой-то парень и громко сказал:

– Зря не будут забирать – значит, он враг народа и всё!

Сашку это оскорбило, он рванулся к обидчику и ударил его, началась драка. Друзья их разняли, извинились за Сашку, но он дома сказал тётке, жене дяди, что подрался с одним типом из-за дяди и что его наверное арестуют. Вечером за ним пришли и арестовали и дали пять лет лагерей – явно, что его обвинили в том, чего он никогда не совершал. Отправили его отбывать срок в Сибирь куда-то, с тех пор его никто не видел. Хлопотать за него было некому – дядя сам сидел неизвестно где. А жена его, мать Нины Николаевны, пыталась хлопотать за своего мужа, передавала тайно письма в Москву, требуя суда над ним, если он виноват – он был вторым секретарём райкома. Её усилия не пропали зря, дело дяди пересмотрели и освободили его спустя два года. В то время это было редкостью. Дядю Сашки сразу назначили секретарём парткома на тот завод, где работал Сашка.

– Мне тогда было пять лет, я мало что понимала. – сказала Нина Николаевна. – Наверняка отец стал хлопотать о пересмотре дела своего племянника, возможно, и успели сделать это до начала войны – не известно. Когда началась война, всё она и усложнила, а так бы, наверное, домой пришёл.

Дим Димыч сидел, задумавшись, а потом и говорит:

– Нина, я думаю, вот что произошло перед войной: отец использовал, наверняка, весь свой авторитет и добился его реабилитации и скорее всего его он отправил на учёбу или в армию. Потом началась война, а военное время заносит людей очень далеко.

– Сейчас мы это не узнаем, – ответила ему жена и добавила:

– Я помню, уже после войны прошёл слух, что кто-то из знакомых вроде видел Сашку в городе летом, и он просил их передать родным, что он жив. А почему не встретился с родными сам? Может, что-то ему мешало? Время было закрытое, и он нелегально приехал из Германии? Не знаю.

Дим Димыч полистал газету и сказал:

– Газета-то за 1989 год! Сколько лет прошло! Письмо его дочь написала ещё в ГДР, а сейчас Германия объединилась. Надо попробовать им написать письмо на данный адрес, может быть, дойдёт.

– Да, завтра же и отправить надо, только я сомневаюсь, дойдёт ли письмо до адресата – они жили в Берлине, а там столько всего произошло! Может быть, они и уехали из Берлина то, там же уничтожаются все символы и всё, что связано с ГДР. Но мы должны всё это узнать, я чувствую, что это Сашка, мне так хочется узнать, он ли это и убедиться в том, что выжил он тогда в то страшное время. Ещё помнится, отец в разговоре о Сашке упоминал слово для меня тогда непонятное – штрафбат – я же тогда особо не прислушивалась к словам взрослых.

– Да, интересно бы правду узнать, ты напиши сегодня же им, а завтра отошли.

В письме написали краткую историю жизни Сашки, о его родных, о дяде Коле, о реке Черемшан, куда он ходил ловить раков – о тех вещах и событиях, которые он мог бы знать и рассказать детям.

Письма ждали долго. Месяца через три получили толстый конверт на почте. В конверте было четыре письма – одно было от дочери и три письма – от ветеранов войны, которые тогда откликнулись на её письмо в газете. Марианне писала, что ничего существенного, чтобы их заинтересовало об отце, она не может сообщить, так как он ничего не рассказывал детям и, что знала, все написала тогда в газету, но посылает три письма, которые будут интересны для нас. Первые два письма писали бывшие военнопленные того концлагеря, где был Георг Ноак, они его узнали и писали,

что он помог им выжить в то тяжелое время, что он говорил по-русски и что многие так и думали, что он был русским. Снова вроде ничего нового. Третье письмо было от ветерана войны, бывшего партизана из Белоруссии. Тогда в газете «Ветеран» он узнал парня, который был доставлен в партизанский лагерь самолетом вместе с радисткой Ритой и грузом продовольствия для партизан. Самолет встречали ночью, и он был в числе тех, кто встречал самолет. Радистка осталась работать в лагере, а тот парень недолго был у партизан, он, видимо, как пишет ветеран, имел какое-то особое задание и послан был его выполнять. Автора этого письма тоже смущает, что фамилия у него нерусская, он был уверен, что он был русским и помнит, как радистка называла его Саней или Сашей.

– Ну вот! Это Сашка! Я знала, что это он! - с радостью сказала Нина Николаевна. – Значит, успел отец до войны добиться его реабилитации, значит освободили его.

Я рада, что он выжил, что семья у него была, и дети помнят его и другие помнят его! Вот папа бы был жив и узнал все это.

– Да, но тут много еще вопросов неясных, – сказал муж. – А может, отец твой все знал о Сашке да молчал. Много еще нужно выяснить. И дочь вот пишет, что, пока живы, будут с братом выяснять. Она просит не терять с ней переписку.

Нина Николаевна понимала, что выяснять нужно о нем, прежде всего, здесь, на его родине. После письма из Германии она еще больше убедилась в том, что она не ошиблась, сразу признав брата в газетном портрете. Она была рада, что не пропал тогда Сашка, что судьба сохранила ему жизнь, что у него семья и дети, возможно, и внуки сейчас живут на белом свете. Все-таки бывает, что судьба поворачивается к человеку своей лучшей стороной – светлой.

2005 год.

Две шинели

На вешалке в прихожей, на небольшом расстоянии друг от друга, висели две шинели. Одна была совсем новой, тёмно-серого цвета с блестящими пуговицами и золотыми погонами, на которых ярко блестели звёзды. На рукавах были золотые нашивки, и вся

она благоухала и пахла приятно какими-то духами и дорогими сигаретами. Такие шинели обычно носят военнослужащие. Другая шинель, висящая в уголке, была старой, тоже серой, погон на ней не было, а вместо них остались петли, которые сейчас смешно торчали, как уши. Рукава шинели изрядно пообтрепались, не было и верхней пуговицы у неё. Если присмотреться повнимательнее, на ней можно было увидеть забившиеся в сукно опилки и волоски. Пахло от неё сосной, хлебом, спичками и всем тем, чем обычно пахнет верхняя одежда, которую долго носили её хозяева.

Новую шинель сшили не так давно и, по человеческим меркам, её можно было называть молодой. Так вот эта молодая шинель высокомерно относилась к своей соседке — старой шинели. Молодая гордилась своим внешним видом, своей молодостью, тем, что её хозяин не расставался с ней, чистил её и всячески ухаживал за ней. Он надевал её ежедневно на службу, она была всегда на людях с ним и многое за день видела. А старая шинель подолгу висела на вешалке в одиночестве и была рада вечерами поговорить со своей со-

седкой, которую хозяин вешал обычно в одно место. Старая шинель многое пережила и многое повидала за свою долгую жизнь, но теплоты своей и доброты не растеряла на жизненном пути. Она была не гордой и обычно первой начинала разговор с соседкой – ей хотелось общения.

Вот и сегодня, как только новую шинель повесили на вешалку, старая сказала:

– Как красиво блестят на тебе капельки воды от растаявшего снега! Похоже, на улице идёт сильный снег?

– Да уж! Валом валит. Хорошо, что стряхнули с меня этот прилипчивый снег, а то бы сейчас вся мокрая была, – недовольно сказала новая шинель.

– Расскажи мне, где ты была сегодня, – попросила старая шинель.

– Где я только не была сегодня! Утром были в министерстве, а после обеда были на встрече ветеранов войны.

Старая шинель ещё раньше уловила запах вина от соседки – она спросила её:

– Вино, наверное, пили вкусное и дорогое?

– Конечно, ты такое и не пробовала!

– Да, нам таких вин не наливали, а фронтовые сто грамм были для нас праздником, – ответила старая, вздохнув. Я тоже молодая была, но время было военное, да и после войны было не до вкусных вин.

Новая шинель знала, что её соседка прошла всю войну до самого Берлина, что имеет награды, и злилась, что её ценили до сих пор и висела она рядом с ней. Часто, отвернувшись от соседки, она ворчала про себя: «Фу, как пахнет от неё потом! Уж старая-престарая, пора и убрать бы её куда подальше отсюда, чтобы не портила воздух».

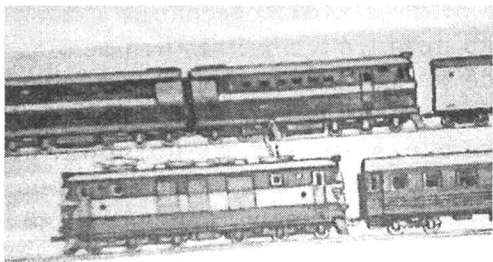
А старая шинель знала, что её наденет хозяин, когда пойдёт выгуливать свою любимую собаку, и что эта огромная овчарка будет подбегать к хозяину, вставать на задние лапы, упираясь передними ему в грудь. Она лизнёт его в подбородок и опять куда-то убежит, а следы от её лап оста-

нутся на шинели, и хозяин не рассердится за это на собаку. А старая шинель будет только рада прикосновению этого живого существа – это дорогого стоит! В такие минуты она чувствовала себя нужной кому-то, какой она была всегда жизни. Во время войны она была прострелена насквозь немецкой пулей и гордилась тем, что помогла тогда медсестре спасти жизнь хозяину. Тогда молоденькая медсестра нашла раненного в ноги младшего лейтенанта после боя, она на этой шинели и дотащила его до своих. Вот почему новая шинель была обязана своей жизнью старой шинели. Новая шинель об этом никогда не задумывалась и, благодаря хозяину, вела интересную жизнь среди людей в славе и почёте.

Шло время. Хозяин, наконец, пошёл на заслуженный отдых, на пенсию и стал надевать новую шинель всё реже и реже, и однажды её совсем убрали с вешалки и повесили в шкаф, где было темно и пахло нафталином. Её больше никто не надевал, изредка выносили на балкон для проветривания. Для неё теперь это были самые радостные минуты общения с прежним миром, но они были очень редкими. Пребывая в одиночестве, она часто вспоминала свою прежнюю жизнь, своего хозяина и старую шинель, с которой сейчас бы она пообщалась с удовольствием. Наконец–то она поняла, что её хозяин и старая та шинель были главными в её жизни. Они подарили ей почётную, спокойную жизнь и без них её бы не было на свете. Она поняла, что даже после смерти хозяина ее будут беречь и хранить в память о хозяине – ветеране войны. Ее переполняло чувство гордости за то, что ее дальнейшее существование не будет бесполезным, а будет способствовать сохранению доброй памяти о ее хозяине.

2004 год.

Колдунья

Решение написать этот рассказ было принято после того, как я вышла из вагона скорого поезда Кисловодск – Новокузнецк на своей станции. Все, что рассказала мне моя случайная попутчица, уже не-

молодая женщина, назовем ее Еленой Николаевной, запало мне в душу. Всю дорогу от вокзала до дома, а шла я пешком, так как жила недалеко от станции, я думала о том, что мне поведала моя попутчица. Да, чего только не бывает в жизни! И вот ведь совпадение какое! Перрон вокзала встретил меня той самой песней, о которой мы с ней вспомнили при расставании. Из громкоговорителя неслись слова песни:

Уходи лесом, уходи морем!

Уходи горе, меня не тронь!

Елена Николаевна ехала с юга, была у дочери в гостях, там же и сестра ее жила. Я села в этот поезд в Новосибирске утром и мне предстояло еще ехать до своей станции весь день. Она ехала до Новокузнецка, так что мы с Еленой Николаевной ехали вместе целый день. Когда я села в этот поезд, было раннее утро еще, но после Новосибирска все пассажиры проснулись, гремели стаканы – проводница готовила чай. Мы тоже с попутчицей заказали по стакану чая. Она достала из сумки печенье и конфеты и стала мне предлагать: «Угощайтесь! Вот печенье и конфеты!» Я поблагодарила ее, сказав, что до Новосибирска летела самолетом, еле-еле успела на поезд и ничего не успела купить из еды.

Сначала моя попутчица показалась мне неразговорчивой, но постепенно мы с ней разговорились. В купе мы были вдвоем, нам никто не мешал. Откровенно говоря, я как – то сразу поняла, что моей попутчице давно хотелось излить душу. Известно, что самые откровенные собеседники бывают во время пути. И только позднее я поняла, что всю дорогу с юга ее мучили в душе эти ее очень непростые проблемы. Рассказ ее меня действительно очень заинтересовал. Это была на первый взгляд очень житейская история, но очень поучительная. Я не просто слушала ее исповедь, я постоянно ставила мысленно себя на ее место, давала какие-то не нужные ей в данный момент советы, а иногда восклицала с азартом, примерно так: «Эх! И зачем вы это от нее взяли?» или что-то в этом роде.

Как мне рассказала Елена Николаевна, раньше они с мужем жили на юге, были у них там дом и хороший сад. Вырастили они там сына и дочь, которая продолжает там жить со своей семьей. Сын после окончания института уехал в Сибирь на работу, до женитьбы жил в общежитии, а когда женился, начались проблемы с жильем. Семья росла – родился ребенок, а очередь на квартиру двигалась черепашьими шагами. Вот и решили они с мужем помочь сыну – переехать к сыну, тем более к тому времени они оба были уже на пенсии. Они продали свой дом на юге и купили дом по месту жительства сына. Дом купили добротный, с большим огородом. Хозяин этого дома все шутил во время поездки: «Вам в Сибирь захотелось, а нам на юг!» Стали жить все вместе с семьей сына в новом доме, свекровь быстро подружилась со снохой, помогала воспитывать внука, жили дружно, все в делах. Муж постоянно был занят работой во дворе, на огороде, а она все больше по дому, у плиты да с внуком. Будучи общительным человеком, муж довольно быстро познакомился с соседями по улице. Готовя обед на кухне, она не раз видела, как её муж разговаривал с соседкой, чей дом был справа от них. Зная характер мужа,

его слабость поболтать с кем-нибудь, пошутить, она всегда была уверена в нём.

Шло время, сыну, наконец-то, дали двухкомнатную квартиру, внука устроили в детсад, и остались они с мужем одни в доме. Елена Николаевна стала чаще работать в огороде, ближе познакомилась с соседями. Однажды весной они с мужем решили очистить огород от мусора и старой травы и разожгли костёр. Погода была ветренная, и дым от костра густо валил прямо на дом соседки справа. Соседка вышла на крыльцо.

– Ну и соседка! Прямо дымовую завесу сделала между нами! – Она звонко рассмеялась. А мужу палец в рот не клади – тут же нашёлся:

– А ты принимай эстафету, разжигай свой костёр и дыми дальше!

Елена Николаевна, в отличие от мужа, больше молчала и редко разговаривала с соседкой. Работая на огороде и невольно часто видя её через забор, она нет-нет да и вспомнит слова прежнего хозяина дома, который, прощаясь тогда с ними, бросил фразу: «Люди здесь живут неплохие, только вот соседи справа... Люди говорят, что они колдуны». Тогда она не придала никакого значения его словам – какие могут быть колдуны в наше время? Ни в каких колдунов она никогда не верила, но с некоторых пор стала приглядываться к этим соседям, да и от соседей многое узнала. Муж соседки редко работал на огороде, часто был навеселе, старший сын в армии, а младший умер три года назад – он был инвалидом с детства. Соседка слева как-то ей сказала, что прежний хозяин дома с ними не дружил: он был сам не пьющий, а трезвый мужик пьянице не товарищ!

Елена Николаевна несколько раз разговаривала через забор с соседкой, как это всегда бывает между соседями, о погоде, о ценах на рынке и однажды та посетовала своей новой соседке:

– Тебе хорошо, у тебя муж непьющий и хозяин, я смотрю, хороший!

«Завидует мне», – отметила тогда про себя Елена Николаевна.

Однажды она ушла в магазин, а когда вернулась, мужа дома не оказалось, и дверь была заперта на ключ. Она тогда удивилась – вроде бы никуда не собирался. Муж минуты через три явился с сантехническим ключом в руках.

– Куда это ты ходил? – спросила с тревогой. – Мог бы меня и подождать, я только за хлебом вышла и ключ не взяла, – ответила она недовольно. Муж почувствовал её недовольство и ответил виновато:

– Да это минутное дело, Лена, подкрутил и всё, надо же помочь человеку!

Вот тогда она впервые задумалась, а мужу намекнула, чтобы пореже общался с этими соседями, тем более, муж у неё пьёт. «С кем поведёшься, от того и наберёшься!» – добавила она. Муж на это ответил:

– Я у них не собираюсь застольничать, хотя она и предлагала мне выпить стопочку за работу.

– Вот-вот, с этого всё и начинается! Молодец, что отказался.

Но вскоре случилось то, чего никто не ожидал – у соседки скоростижно умирает муж.

Была зима и он, видимо, был пьян, упал у крыльца и, падая, стукнулся головой. Жены его не было дома – она нашла его мёртвым. Скорая помощь так и определила причину его смерти – упал и ушиб голову. Во время похорон люди шептались о том, что жена не слишком огорчена смертью мужа и что она давно хотела избавиться от него, и что пил-то он из-за того, что совесть его мучила – он был виноват перед первой своей женой. Елена Николаевна позже узнала, что муж у соседки был вторым – первого она тоже похоронила, что второй её муж прежде не был вовсе никаким алкоголиком, что жил он со своей женой на соседней улице и что они дружили семьями. И вот однажды скоростижно умирает его первая жена, детей у них не было, и стал он жить один. Люди стали замечать, что муж сосед-

ки стал болеть, очень быстро как-то похудел и слёг совсем, а жена, не скрываясь от людей, бегала на соседнюю улицу к вдовцу. После того, как умер её муж, она вскоре выходит замуж за вдовца, дом его они продают и он переходит жить к ней. Вот теперь и его нет, а деньги вроде бы он все пропил, но люди не верили ей – хитрая, мол, жадная до чужого добра и деньги давно прибрала к рукам, одним словом, «колдунья». После этих всех событий все стали звать эту соседку за глаза колдуньей. Как-то вскоре после похорон соседка прибежала к ним с тарелкой румяных пирожков:

– Помяните Ивана. Не приводилось вас ни разу угощать-то, твой всё отказывается от угощений, видно, ты ему не разрешаешь?

– А чего ему у тебя закусывать-то? У него свой дом, голодом не держу! – неприветливо ответила Елена Николаевна, а та молча поставила тарелку на стол и направилась к двери:

– Тарелку потом занесите мне!

Мужу пирожки понравились:

– Вкусные пирожки испекла, ведьма! – сказал он, попробовав. Елена Николаевна мысленно отметила, что муж ещё точнее нашёл слово, характеризующее соседку – именно ведьма, она ведает, что делает, а вслух сказала:

– Она знает, что хочет!

– Ну что ты, Лена, выдумываешь, мало ли что она хочет!

А соседка-то и впрямь чего-то замышляла, потому что как-то раз на огороде ни с того, ни с сего игриво так сказала ей:

– А не боишься, что уведу я у тебя мужа? Я ведь теперь свободная!

– Он у меня не телёнок, чтобы ты его увела.

А колдунья про себя отметила, что новая соседка её недолюбливает и что она очень внушаема. Люди не зря прозвали её колдуньей – она была неплохим психологом и не глупа – такие люди всегда представляют некоторую опасность для окружающих. Дело в том, что соседка была очень завистли-

вым человеком, а ум её постоянно был на службе зла, а не добра. От людей ничего не скроешь. И колдуньей-то её назвали после того, как она прибрала к рукам и мужа и дом своей подруги, которая так подозрительно скоропостижно скончалась. А как быстро сделался алкоголиком её второй муж! Знали люди – не без её помощи он стал попивать. Первое время, как сошлись, бутылочка на столе у них частенько стояла, вроде бы как для аппетита. Дальше – больше, стал просто напиваться, по дому ничего не делал – всё время был пьян. На людях жена ругала мужа, называла его алкашом. А тут ещё сосед поселился новый, не пьющий, хозяйственный такой – её глодала чёрная зависть. Не секрет, что живут на этом свете такие люди и мужского и женского пола, которые из зависти творят свои чёрные дела и для достижения своих целей не гнушаются никакими средствами.

Беседуя с Еленой Николаевной, я тоже поняла, что она человек очень внушаемый и мнительный, чем и решила воспользоваться эта соседка. Масла в огонь подлила соседка слева от них. Однажды она сказала Елене Николаевне:

– Смотри, Николаевна, как бы эта колдунья тебе что не сделала, ведь была она у вас, когда тебя не было дома, подложить что-нибудь могла.

– Да ну! Я в это не верю совсем, – и засмеялась.

Но в ту ночь она плохо спала, утром встала совсем разбитая, болела голова, что с ней редко бывало. Потом ей стало казаться, что это неспроста и что-то на неё действует, но мужу ничего не говорила. Слова доброжелательной соседки так и не выходили из головы. Решила съездить к снохе и рассказать ей о своих проблемах, и та посоветовала ей сходить в церковь, взять святой воды и окропить ею всё в доме и во дворе. Сноха была неверующей, но умной женщиной, она хорошо знала свою свекровь, её внушаемость. Елена Николаевна так и сделала и сразу почувствовала себя лучше. В этом месте рассказа я прервала её, сказав, что у неё замечательная сноха – всё правильно посоветовала. И от себя добавила:

– А вы держитесь веселее при общении с этой колдуньей! Моя бабушка советовала в таких случаях держать фигу в кармане у себя при встречах с такими людьми.

– Я поняла, какая она колдунья и чего хочет, я и мужу рассказала всё, что о ней узнала. Он всё понял и снова, смеясь, назвал её ведьмой.

Дочь и сестра, живущие на юге, давно звали её в гости, но она всё не решалась оставлять мужа одного и вот, наконец, навестила родных и всю дорогу домой у неё болела душа - а как там? Дочь, после того, как она всё ей рассказала, возмутилась:

– Ты что, мама? Что, папа дурак что ли? Тем более, он уже понял эту аферистку!

– Это определение её сущности точнее остальных, – сказала я.

– Мужу я верю, но душа болит за него.

– А знаете что? Сходите снова в церковь и сделайте так, как советовала вам сноха, и всё будет хорошо!

Елена Николаевна была явно довольна нашей беседой. Мы долго с ней смеялись, когда я посоветовала ей купить запись песни, которую исполняет ансамбль «Золотое кольцо», там есть такие магические слова:

Уходи лесом! Уходи морем!

Уходи горе! Меня не тронь!

Вот включайте почаще эту песню да погромче, пусть слушает ваша соседка – сказала я, прощаясь с ней, а ей ехать предстояло до вечера.

Жаль, что не будет продолжения у этого рассказа. Можно только догадываться, какой возможен конец. Это зависит и от верности мужа, и от самой Елены Николаевны. Ну, а читатель кое-что почерпнёт из этой житейской истории и наматывает себе на ус!

2002 год.

Хорошие люди

Памяти
Максимовского И. Д.

В этот год зима выдалась суровой – морозы стояли под сорок и, хотя в Сибири такие морозы не редкость, люди в последние три года как-то стали отвыкать от сильных морозов. Предыдущие зимы были тёплыми, а сейчас люди ёжились от холода и на улице и в домах, где с отоплени-

ем было плохо – неожиданные сильные морозы переморозили во многих домах отопительную систему. Героиня нашего рассказа баба Маша живёт в старой «хрущёвке», в доме, где было и центральное отопление и печное. Многие жильцы давно убрали печи, расширили свои кухни, а баба Маша решила, что ей одной вполне достаточно такой кухни и печь оставила. Эта печь выручала её не раз.

Вот и теперь она затопила свою печь, поставила воду вскипятить для чая и села вязать носки внуку. Из открытой духовки шло приятное тепло, и кот – тут как тут – прыгнул с дивана и улёгся около ног бабы Маши.

– Что, Рыжий, обрадовался теплу-то? – ласково сказала баба Маша. Внуки звали кота Рыжиком, а она его звала просто Рыжим, и кот знал обе эти клички и одинаково на них реагировал. Внуки принесли его к ней маленьким, взъерошенным котёнком осенним дождливым днём. До этого у неё не было ни кошки, ни собаки – целыми днями была на работе, а за ними нужен был уход. Даже будучи уже на пенсии, она работала дежурной в школе, а летом ездила в

пионерский лагерь на все смены кухонным работником, чтобы внуки были на глазах летом. Теперь они выросли, а баба Маша уже нигде не работает – часто болят ноги да ещё и давление мучает постоянно. Иногда она себя чувствовала одиноко в своей квартире – всю жизнь была среди людей, о ком-то всегда заботилась и искренне обрадовалась, когда внуки принесли ей этого несчастного котёнка.

– Господи, да он совсем замёрз, – запричитала она тогда, а внуки лепетали наперебой:

– Баба, давай его мы искупаем и дадим аспирину ему, он ведь простудился!

– Сейчас, сейчас, милые вы мои, – захопотала баба Маша.

Котёнка искупали, завернули в полотенце, но сох он плохо и они его еле-еле высушили феном, уши ему закрывали, чтобы не испугался. «И смех и грех!» – так часто говорила баба Маша. Теперь этот котёнок превратился в большого, рыжего с белыми полосками кота, очень похожего на тигрёнка. Вот этот кот и скрашивал теперь часы её одиночества. Внуки заняты своими делами, бывают у неё редко теперь, вот и разговаривает она с котом, как с человеком, делится с ним вслух своими мыслями. Кот мурлыкал в ответ и, казалось, всё понимал и соглашался:

– Я слушаю, слушаю, рассказывай дальше! – А бабе Маше было о чём рассказать. Вот сейчас по радио диктор говорит о 12 апреля, когда в 1961 году впервые полетел в космос наш русский космонавт Юрий Гагарин. Она хорошо запомнила этот день, счастливый для всей страны, но чуть не ставший трагедией для одной семьи. Работала она тогда дежурной в школе, которая занимала двухэтажное здание, построенное буквой П.

Внутри этой буквы П был дворик, где был запасной выход, поодаль стоял сарай школьный. Детям на этой территории играть не разрешалось, так как там была выгребная яма, закрытая чугунной круглой крышкой. Был солнечный

весенний день. Два мальчика из младших классов на перемене забежали в этот дворик и оказались у этого люка. Видимо, не сомневаясь в надёжности чугунной крышки, один из мальчиков, доедая пирожок, стал топтаться на ней и в один из моментов крышка провалилась с одного края, и он оказался в яме. Крышка перевернулась и закрыла люк. Второй мальчик закричал, но во дворе было безлюдно, и никто его сразу не услышал бы, и кто знает, чем бы это всё закончилось, если бы в это самое время во дворике не появился учитель по физкультуре – он шёл в школьный сарай за каким-то инвентарём. Быстро сообразив в чём дело, он открыл люк. Яма была заполнена зловонной жидкостью наполовину, и в ней барахтался несчастный мальчик. Но самое страшное было то, что в люке не было скоб, и спасатель смог опуститься только по поясу, держась за края люка. К счастью, мальчик смог ухватиться за ноги спасателя, и ему повезло ещё в том, что этот человек был достаточно тренированным физически – он удерживал мальчика, пока второй бегал за помощью. А в это время в учительской все учителя оживлённо обсуждали событие исторической важности – полёт Юрия Гагарина в космос. Взволнованные и радостные, учителя не сразу поняли о чём, тоже взволнованно, говорил им мальчик. Первой, кто понял мальчика, была она, баба Маша и, когда его вытащили из ямы, она лично его вымыла в ванне в своей дежурке и до скорой помощи поила его чаем. Одежду его отнесли в школьную котельную и сожгли.

– Вот, Рыжий, какие разные полёты совершились в тот день, – сказала вслух баба Маша, взглянув на кота. – И смех и грех!

Кот прищурил глаза в доказательство того, что он всё внимательно слушал.

Досталось тогда завхозу крепко от директора школы – яму на следующий же день огородили. Поистине, права половица: Пока гром не грянет – мужик не перекрестится!

Баба Маша часто вспоминала свою работу в школе и, хотя она была там всего лишь техничкой, она никогда не была в стороне от воспитательного процесса. Целыми днями она пропадала в школе: мыла, протирала, а во время перемен следила за порядком в коридоре. Бывало, что особенно разбушевавшемуся парнишке попадало от неё мокрой тряпкой по заднице. А сколько драк предотвратила она! Ребята не обижались на неё и уважали за то, что она никогда никому на них не жаловалась. На 8 Марта её не обходили вниманием: кто открытку положит на стол, а кто – конфетку какую-нибудь, и чаще – она знала – это была дань благодарности от самых известных в школе драчунов. Бывало и так – заболел учитель, а заменить его некому, и класс отдыхает. Старательные ребята сидят и повторяют урок, другие начинают беготню, шумят, мешают другим заниматься. Вот тут-то она и была палочкой-выручалочкой. Она собирала этих ребят около своего стола и заводила с ними разговор. У неё был природный дар рассказчика, её слушали всегда с интересом, в конце беседы она обязательно сделает вывод, совсем как учитель. Она была прирождённым воспитателем, и очень польстило ей однажды высказывание самой директрисы Фаины Петровны, услышанное случайно. А дело было так – шёл педсовет, дверь в кабинет была приоткрыта, она домывала пол в коридоре и слышала слова директрисы.

– Мне кажется, друзья, что самыми авторитетными и любимыми в школе для ребят являются наша баба Маша и наш уважаемый Игнатий Демидович. Да, да! Ведь они всегда с ребятами, они любят их, тянутся к ним! Процесс воспитания не заканчивается только уроком, мои дорогие.

Фаину Петровну, старейшего педагога города и опытного директора, РОНО назначило в эту школу, чтобы сплотить и коллектив педагогов и коллектив учащихся. Она прекрасно понимала, что с дежурной техничкой ей очень повезло и что для школы это имеет большое значение.

Вспоминая всё это, баба Маша вздохнула и вслух сказала:

– Вот и Фаины Петровны уже нет. Хорошим директором была она и педагогом, всю жизнь воспитывала чужих детей, свою семью так и не завела, так и прожила у чужого огня и сгорела на работе. Квартира её отошла государству, а своё главное богатство - книги она завещала городской библиотеке. – Баба Маша вздохнула, вспомнила, что скоро Пасха и что она обязательно сходит в церковь и поставит свечку за упокой души Фаины Петровны. Каждый год на Троицу она ездит на кладбище, чтобы убрать листву и разный мусор с могилы, подкрасить оградку, положить свежий веночек, чтобы могилка не считалась заброшенной. Дальние родственники покойной уехали из города и никто, кроме бабы Маши не приходил на могилу. Баба Маша мысленно представила директрису на портрете, который висел у неё в зале и в связи с этим ей вспомнился эпизод на кладбище во время похорон: когда уже закопали гроб, и люди стали расходиться, она увидела портрет покойной в руках одной из учениц – она протягивала его завучу школы и та, заметив бабу Машу, подошла к ней и сказала:

– Баба Маша, возьмите это пока себе. Родственники – то забыли.

Да только этот портрет так и висит у неё над комодом, напоминая о хорошем человеке. Как мудрый человек, она знала, что портреты хороших, добрых людей должны висеть на почётных местах – говорят, что от них исходит положительная энергия.

Из зала послышался звонок телефона – звонила дочь:

– Мама, это я! Как дела у тебя?

– Да нормально всё у меня! Не беспокойтесь, если что – позвоню!

После разговора с дочерью она подложила в печь угля и села снова вязать внуку носок. В тишине и тепле её клонило в сон, но она знала, что спать ей сейчас ложиться рано ещё – всё равно не заснёшь, а по телевизору сейчас идут одни боевики. Баба Маша пожалела, что не спросила о

школьных делах внука, семиклассника Гены, на которого часто жаловались учителя. В связи с этим она вспомнила Пашку Иванова, самого известного хулигана в школе, где она работала. Вспомнила, как однажды в магазине кто-то её окликнул, она сразу не признала его, пока он не представился: «Помните Пашку Иванова?» Позднее других, но выучился, стал большим начальником – он всегда стремился в лидеры! Говорили они тогда долго, он и пирожки её с картошкой вспомнил, которыми она его частенько угощала. Она знала, что жили они бедно, отца не было, а в семье трое детей. Конечно, школа помогала им и одеждой и питанием, но ей всегда хотелось подкормить его. Вспомнили и посмеялись над тем случаем, когда его с матерью вызвали на педсовет за то, что он во время дежурства в столовой перекрутил все ложки, как он объяснил потом, для красоты. Знала бы директриса, кем стал её непутёвый ученик. Тогда и директора школы вспомнили, она сказала, что на Троицу ходит к ней на могилку – больше никому. Пашка тогда помолчал, а потом спросил:

– Баба Маша, у тебя её фотографии, случайно, нет?

Она дала ему свой телефон, и через несколько дней он ей позвонил и сказал, что заедет за фотографией для скульптура.

От Паши долго не было звонка, но она верила, что обещал – сделает. Не ошиблась она – как-то ближе к Троице раздался звонок телефона:

- Это я, баба Маша! Как здоровье?
- Спасибо, Паша, хорошо!
- Сообщаю, что памятник готов, сделали из мрамора.
- Спасибо, милый, за память о добром человеке.
- Когда будем устанавливать?
- Да на Троицу и поедем и помянем её.
- Хорошо, я позвоню, и мы заедем за вами.

На Троицу они поехали на кладбище с утра, с Пашей, кроме шофера, был ещё один мужчина. Ехала в кабине гру-

зовика и радовалась: вот и Фаине Петровне будет подарок от благодарного ученика. Памятник был выполнен прекрасно, хорошим мастером. Он был из чёрного мрамора, портрет покойной был высечен в камне барельефом за столом, на котором были книги. И пока трое крепких парней устанавливали памятник и наводили порядок в ограде, она тихо утирала слёзы радости. Она считала, что хороший человек после смерти заслуживает доброй памяти. Она долго благодарила и Пашу и всех, сама того не сознавая, что это она, её доброта к людям, как луч, коснулась душевных струн человека, заставила проснуться в нём доброте его и сделала своё дело. Такие вот бабы Маши живут среди нас на свете, как сгустки доброты, и сеют её по земле, чтобы не перевелась она никогда.

2002 год.

Страшная находка

Памяти моего дяди
Топоркова А. Ф.

Это случилось в небольшом приволжском городке незадолго до войны. В то время город был почти весь деревянной постройки и только в центральной его части были здания из кирпича. Это в основном, были прежние купеческие дома да церковь, архитектурно прекрасно выполненная в форме башни московского Кремля. В городе часто случались пожары, особенно летом в сухую и ветреную погоду, и поэтому в городе существовала пожарная команда, как и положено.

Пожарники несли круглосуточное дежурство на каланче,

высокой деревянной вышке и, в случае пожара, звонили в колокол, созывая народ. Пожарных машин тогда не было, и воду на пожар возили на лошадях в бочках, а в них много не привезёшь. В помощь пожарным на улицах города и в переулках по всему городу были сооружены и установлены чаны с водой. Это были огромные бочки диаметром где-то 5-6 метров и высотой около трёх метров. Чаны устанавливались на дубовых толстых брёвнах, чтобы днище чана не касалось земли. Под чаном свободно мог пролезть взрослый, а дети в летнюю жару часто играли под чаном. Со временем появились пожарные машины, и чаны стали убирать с улиц. И вот однажды, выкапывая из земли огромные брёвна, на которых много лет стоял чан, рабочие наткнулись на человеческие череп и кости. Местные медэксперты визуально определили, что человека убили, оглушив его сзади по голове – была вмятина на затылочной части черепа и что убитый был высокого роста. А из этого следовало, что били его сзади, когда он сидел, и потом, возможно, добивали.

Эта страшная находка была отправлена в Москву на экспертизу, где по костям и черепу воссоздают облик человека. Это событие взбудоражило весь город – время было тревожное, время репрессий и много людей пропадало без вести. Многие люди ждали результатов из Москвы, но видимо, дело это было небыстрое – воссоздать облик человека по костям, а тут началась война, которая и осложнила всё – появились новые проблемы.

Тот злополучный чан стоял в переулке, а рядом с угловым домом жила одна женщина с матерью и двумя маленькими дочками в доме своего свёкра. Каждое лето к ним приезжал в отпуск брат той женщины – высокий статный военный. Он жил в городе Фрунзе с семьёй и приезжал навестить мать и родных, приезжал всегда с подарками для всех, не забывая своего сына от первого брака. В последнем письме он писал, что выезжает скоро и пошлёт им теле-

грамму о приезде. Но ни телеграммы, ни его так и не дождалась родные, и у матери тогда сердце подсказывало, что случилось несчастье с сыном, что его убили. Страшная находка под чаном, недалеко от дома, совсем убедила их в том, что это останки их сына и брата. Мать сразу слегла и заболела. Она лежала и всё думала о том, кто мог совершить это злодейство и сердцем материнским она чувствовала, что сына убил человек из ближнего окружения, кто знал о приезде сына и перехватил телеграмму, но кто?

Она умерла вскоре, так и не узнав имя убийцы её сына, но она верила, что когда-нибудь правда всплывёт – недаром говорят, что всё тайное со временем становится явным, что за свой грех убийцу накажет Всевышний.

Шло время, на месте, где была обнаружена та страшная находка, разбили сквер – после войны город стал благоустраиваться. Сестра убитого приносила цветы и ставила их на клумбу, которая для неё была могилой брата. Она долго сидела молча на лавочке, вспоминая брата, всегда весёлого и доброго. После войны она с дочерьми переехала в новый район города, и однажды к ней на квартиру приходит девочка и передаёт ей записку. В записке её просили прийти по указанному адресу к умирающей старушке – она хочет сказать ей что-то важное.

Взглянув на адрес, она поняла, что старушка – это её бывшая соседка, хозяйка углового дома. Соседи их всегда недолюбливали – были они скрытными, нелюдимыми, мало с кем общались. Детей у них не было, старик рано ослеп и недавно умер, а сама она, тоже ослепшая, лежала больная и ждала смерти. Соседи из жалости заходили и приносили ей еду.

– Обо мне-то зачем вспомнила? – думала женщина. – Мы особо с ними не дружили никогда.

Но умирающему не отказывают, как правило, и она собралась и поехала на другой конец города и всё думала:

– Прошло столько лет, ей, наверное, уже лет 80 будет.

Старуха узнала бывшую соседку по голосу и говорит: «Пусть все уйдут, я хочу поговорить с тобой, покаяться пе-

ред тобой». Когда все вышли, старуха заплакала и говорит:

– Грех на душе у меня, страшный грех! За старика и за себя прошу: прости нас. Вот мучаюсь, а бог смерти не даёт! Ведь кости – то под чаном – это брата твоего. Это мы тогда убили его, старик мой ещё какой душегубец был и меня кровью повязал, всю жизнь под страхом держал! Почтальонка нам тогда телеграмму отдала, чтобы мы вам отдали, мы утаили, знали, что не с пустыми руками он к вам едет, и позарились на чужое добро. Приехал он ночным поездом, а мы как бы случайно встретились на вокзале с ним. Он тогда обрадовался попутчикам и, чтобы не будить родных, принял приглашение зайти к ним и посидеть немного, попить чаю. Шёл пятый час – самый сон. Сели пить чай, вот за чаем – то муж и ударил его топором. Бог нас уже наказал и ещё накажет – такое не прощают ни на земле, ни на небесах! Я только покаяться перед тобой хотела да рассказать правду, чтоб ты знала.

Женщина молча слушала сбивчивую речь старухи и думала:

– Правильно мама их подозревала в убийстве сына.

Женщина встала и сказала:

– И вы хотите, чтобы я вас простила? Простила за убийство невинного человека? Нет вам никакого прощения!

Шла домой и опять вспоминала брата – весёлого, доброго и доверчивого человека. «Какая нелепая судьба! Надо написать его жене во Фрунзе, жива ли она ещё? Ведь она тогда не поверила нам, что он до нас так и не добрался, что пропал. Она решила, что он остался с первой своей женой, где рос сын. Вот теперь ей надо всё написать, чтобы не держала зла на него». Шла и проклинала всех убийц, которые совершают самый большой грех на земле – лишают человека самого дорогого дара божьего – жизни. Человек – это особая вселенная, в которой его друзья, родные, это его продолжение в детях. За убийство человека преступник всегда понесёт неотвратимое наказание, недаром одной из заповедей Христа является «Не убий!»

Вопреки пословице

РАССКАЗ-БЫЛЬ

Вам не раз, наверное, приходилось видеть, как при встрече с собакой кошка в ответ на лай выгибает спину дугой и шипит по-страшному или убегает во все лопатки. Недаром на слуху у людей пословица «Живут как кошка с собакой». Эта пословица подтверждает вечную вражду между кошкой и собакой. Но экстремальные ситуации, которые порой складываются в жизни, порождают удивительные случаи, которые в обычных условиях бывает просто трудно объяснить.

Однажды мне довелось услышать удивительную историю от ветерана войны. Это было на территории Белоруссии, когда немцы уже поспешно отступали на запад, оставляя после себя сожжённые города и сёла. Часть, в которой воевал рассказчик, проходила мимо одной деревни, вернее бывшей деревни, потому, что там не уцелело ни одного дома.

Среди обгоревших брёвен мрачно стояли уцелевшие печные трубы, и вокруг не было ни души. Наши солдаты, привыкшие за время войны ко многому, были потрясены трагичной судьбой этой деревни. Сожжённая деревня была на горе, которую огибала речка, и командир отдал приказ солдатам спуститься к реке для привала, которого солдаты давно ждали. Под горой они увидели дом, одиноко стоящий у леса. Командир послал трёх бойцов на разведку:

– Узнайте, что за хата! Может быть, там есть живые люди?

Подходя к дому, солдаты услышали лай собаки, но у ка-

литки их встретила кошка, а собака была привязана на длинной цепи, которая позволяла ей забираться на крыльцо и охранять вход в хату. Собака при виде людей громко залаяла, а потом начала жалобно скулить. Один из солдат хотел было приласкать кошку, но она метнулась на забор.

– Своих не узнаёт – совсем одичала Мурка,, – засмеялся он.

Солдаты вошли во двор и позвали хозяев выйти к ним, но им никто не ответил. Дверь в сени была открыта, но заходить в хату они не спешили, так как собака забралась на крыльцо и то лаяла, то скулила. Солдатам показалось странным то, что весь двор был в каких – то перьях, которые ветер весело гонял по двору. Из дома так никто и не вышел. Один солдат заглянул в окно, половина стёкол которого были выбиты.

- Я вижу, на кровати человек, кажется, лежит! - сказал один их солдат. Открыв окно, солдаты влезли через него в дом. На кровати лежал пожилой человек, укрытый одеялом, как оказалось потом, это был хозяин дома. Он был мертв, и смерть, видимо, наступила недавно: труп сохранился без признаков тления, потому что в доме был сквозняк. Хозяйкой в доме оставалась все это время кошка, а собака была сторожем. Но как она выжила? Ведь она была на крепкой цепи!

Собаку накормили, когда она немного успокоилась, солдаты ее отвязали и тут у конуры увидели мертвых мышей и останки каких-то птиц. Вот оно что! Кошка охотилась и кормила собаку, но больше собака уважала птичье мясо, а кошка, видимо, не сразу это поняла и таскала ей мышей! Чего только не бывает в жизни! Солдаты похоронили хозяйина в ограде собственного дома, документы его передали командиру, и все долго обсуждали этот удивительный случай. После отдыха наши солдаты пошли дальше на запад, а собака вряд ли теперь убежит, друзей не бросают в беде.

2004 год.

Ночной взрыв

Было начало осени, дни стояли по-летнему тёплые, только стали заметно короче, а ночи – длиннее. Иван Букель шёл домой с ночной смены. Было около четырёх часов утра. Сегодня смена прошла хорошо, и настроение у него было отличное, несмотря на усталость – поработали сегодня знатно, как он выражался. Хотелось пить, и он подумал, что сейчас кваску напьётся дома. Посёлок, в котором он жил, был недалеко от его шахты. Иван любил дорогу с ночной смены – на улице ни души, кое-где пропоёт петух да послышится лай бдительной собаки. За эти недолгие минуты он как-то уходил от всех проблем по работе, и мысли его переключались на семью. Жили они в своём доме – пять человек – он с женой, двое сыновей, пяти и одиннадцати лет, да тёща. Они с женой работали и без помощи тёщи им бы туго пришлось – за детьми нужен был присмотр. Они были благодарны ей за то, что она не поддавалась на уговоры сына жить у него, и с тех пор между братом и сестрой отношения испортились.

Так думал Иван, подходя к дому своего шурина, того самого, который и уговаривал тёщу уйти от них к нему жить. Через два дома, на другой стороне улицы был дом Ивана. Тут следует сказать и вот о чём: недалеко от его дома, только по другому порядку, был старый дом, который в прошлом году купила его бывшая жена по первому браку с двумя сыновьями – это были его сыновья. И купила, как покажут дальнейшие события, специально недалеко от дома бывшего мужа. Старший сын её был в армии, а младшему – семнадцать лет. Каждый раз, проходя мимо их дома, он вспоминал сыновей, которым он платил алименты все годы

раздельной жизни. Отношения с ними не складывались – мать всё время настраивала их против отца.

«Вот через год выплачу алименты и легче будет, надо теперь этих гавриков поднимать и ссуду за дом легче будет выплачивать», – думал Иван, подходя к дому. Его постоянно тревожила мысль о том, что его бывшая жена поселилась рядом, чтобы вредить его семье. При встречах с Иваном и его новой женой она их начинала оскорблять. Конечно, Полине доставалась львиная доля оскорблений. Жаль, что Федька в армии – он бы их пристыдил, отговорил, он был самый разумный из них. А Ванька вырос под влиянием матери, злой, невежественной женщины и был каким-то злобным, скрытным и хитрым. Сама мать нигде не работала – было время ходить по соседям и сплетничать. Однажды Полина сказала ему: «Мы живём, как в аду, она и соседей всех настраивает против нас, и я боюсь за детей».

Всё это знал Иван, и иногда ему хотелось уехать с семьёй куда-нибудь подальше от всего этого, да жалко было бригаду оставлять, к тому же ссуда не выплачена. Так вот и терпел, по натуре своей он был добродушным человеком, домоседом, спокойным по характеру. Полина называла его непробойным. Сама она была очень ранимым человеком, с обострённым чувством интуиции. Когда первая жена поселилась недалеко от них, ей вообще не стало покоя – переживала за детей, особенно после того, как одна соседка ей сказала:

– Поля, накажи старшему Лёне, чтобы без вас следил за малым-то. Я вчера видела, как та подзывала его, как-бы чего не дала ему. От неё можно всего ожидать.

Она поделилась этой тревогой с мужем, и он наказал детям не выходить из своей ограды, когда их нет дома, не подходить ни к кому чужому и не разговаривать.

Так, думая обо всём этом, Иван подошёл к дому, привычно почистил сапоги о скобу и поднялся на крыльцо. Отодвинув потайную доску, он просунул в отверстие руку, нащупал засов и открыл дверь веранды. Нашарил выключатель

и сразу увидел трёхлитровую банку с квасом. Не раздеваясь, он налил в кружку квасу и с жадностью выпил, потом повесил робу на гвоздь и взялся за ручку двери, ведущей в кухню и с удивлением заметил, что дверь была приоткрыта. Он дёрнул дверь на себя и застыл на месте – в кухне было темно, а дальше, в зале в ярком свете качались... подсолнухи?! Когда взгляделся в темноту кухни, то всё понял – взрыв! Кухонная плита была вся разворочена, простенка, который отделял зал от кухни, не было, вёдра были разбросаны по всей кухне вместе с кирпичами. Вёдра и бак с вечера наливали водой – вода и не дала разгореться пожару, – промелькнуло в голове Ивана, и тут он разглядел лежавшую около искорёженной железной кровати тещу и бросился к ней, стал её поднимать и вдруг понял, что она мертва. Громкий стон послышался из зала, и он кинулся туда. В зале оба окна и полстены снесло в огород – вот почему он сразу увидел подсолнухи! Тяжёлые от созревших зёрен, они слегка покачивались. Обогреватель в зале взрывом разнесло и завалило ползала – здесь никого не было, и он бросился в спальню и там увидел и жену и сыновей в ужасном состоянии. Младший сын лежал на кровати, укрытый одеялом, Полина сидела рядом, держа окровавленный платок у своего лица, а другой рукой держала за плечи старшего сына – его всего трясло. Иван только сейчас ясно осознал всю трагедию случившегося с ними. Иван нагнулся над младшим сыном, а жена сказала:

– Не трогай его, Ваня, не жилец он – всего искалечило. Беги скорее за скорой да за милицией, ближе телефон на мясокомбинате.

Иван выбежал на улицу, а в голове сверлила мысль: «Неужели соседи ничего не слышали? Поля сказала, что взорвалось за час до его прихода. Три-четыре часа – самый сон, и дома стоят далеко друг от друга, по-сибирски огороды у всех большие». Иван разбудил семью шурина – те спросонья еле-еле поняли, что случилось, заохали, заахали, а Иван предупредил на ходу:

– До милиции ничего не трогать!

Всю дорогу до мясокомбината он бежал, долго будил сторожа, обратно бежать уж сил не было – сердце сдавило грудь. Держа правую руку на левой части груди, он шёл и всё думал: «Кто же это сделал?» А подсознательно в мыслях всё возвращался и возвращался к своей первой жене – это они, больше некому! Она могла и подкупить и подговорить кого угодно. Какую пакость только они ни делали им! Вспомнил, как однажды Полина ему рассказала, как его сын зашёл к ним во двор и попросил пить. Она была на веранде, зачерпнула ковш воды, спустилась с крыльца и протянула ему, а он как вдарит кулаком снизу по ковшу! Ковш больно ударил её по лицу, залил её всю. Обозвав её матерно, он быстро выбежал со двора. Тогда Иван строго пригрозил сыну, но, зная его пакостный нрав, чувствовал, что этот разговор для него, что мёртвому припарка. И этот всё может! А перед глазами мёртвая тёща в кухне, искалеченный сын.

«Господи! Что же это такое? За что мстить-то? Ведь сама тогда бросила меня, когда я попал с травмой в больницу, и навещали меня только члены бригады да из профсоюза».

В больнице он пробыл три месяца и вернулся в пустую квартиру. Жена же, получив за мужа зарплату, забрала детей и уехала к сестре под Новосибирск. До сих пор он так и не понял её поступка.

От профкома прикрепили к нему одну женщину, которая приходила к нему истопить печь, что-то сварить, приносила продукты, мыла полы – ему было ещё трудно ходить. Жена себя никак не обнаруживала, а через некоторое время на шахту прислали исполнительный лист на выплату ей алиментов за детей. А с той женщиной, Полиной, они сошлись, жили дружно. После полного выздоровления Иван снова стал работать на шахте, а когда родились дети, они взяли ссуду и стали потихоньку строить дом. Многие в посёлке не знали всей правды об их истории, подстрекали первую жену к скандалам, некоторые завидовали Полине – вон какого

мужа отбила! Как будто по-другому и быть не могло! Вся жизнь прошла перед Иваном, пока он шёл до дома. Уже издали он увидел у дома милицейскую машину – милиционеры осматривали дом, огород, на веранде он увидел шурина, и было заметно, что он с глубокого похмелья. Подъехала скорая и, осмотрев труп тёщи и всех пострадавших, увезла троих – мать с детьми – в больницу. Тёщу унесли в дом шурина под плач соседки и снохи тёщи. Иван тяжело опустил-ся на ступеньки крыльца, уронил голову на колени, и по вздрагивающим плечам было видно, что он плачет.

Милиция тем временем обнаружила у забора след от мотоцикла, который хорошо отпечатался на земле, но терялся в траве – видимо, ехали через пустырь. От забора собака привела за дом, к лестнице, прислонённой к стене дома.

– Похоже, что взрывное устройство было спущено в трубу, – сказал один из милиционеров. – Да, жаль, что после взрыва прошёл дождь – собака плохо берёт след.

– Кого подозреваете? – спросил Ивана следователь.

– Стыдно говорить, но подозреваю прежнюю свою семью, сына и жену бывшую – не дают спокойно жить, пакостят нам всяко.

– Вы считаете, что ваш сын способен на убийство?

– Не знаю, но он всегда был каким-то скрытным, в душе – злобный, мстительный. Жену мою постоянно оскорблял.

– Но вас он не хотел подвергать опасности – время выбрал, когда вы будете на работе. Значит, всё было продумано заранее!

– Значит план был, – сказал Иван.

– Завидовали им всю дорогу и ненавидели их, – проговорила рядом соседка.

Это ужасное событие взбудоражило весь шахтёрский посёлок. Шурин во время похорон своей матери всю дорогу плакал, а соседи шептались, что это совесть его мучает, что якшался с той, она и подпаивала его постоянно и постоянно его подговаривала, чтоб забрал свою мать от них к себе – нашли себе бесплатную няньку. Прежняя жена Ивана зна-

ла, чего добивалась, а он, дурак, теперь хоронит мать! И совсем загудел посёлок, как пчелиный рой, когда все узнали, что в больнице умер младший сын Ивана. Вторые похороны на неделе собрали весь посёлок. Полина, вся перевязанная, не плакала, только через марлевую повязку шептала:

– За что? Мой маленький, за что? – и всё время держала его за ручку.

Старшего сына из больницы врачи не пустили на похороны, так как у него было сильное нервное потрясение. Иван за эти дни весь почернел, согнулся, на него напало какое-то безразличие ко всему. Видимо, так среагировали защитные силы его организма. А следователи так и не нашли виновных во взрыве. Сын, которого все считали виновным в этом преступлении, имел хорошее алиби: он в это время был в доме отдыха тут же в области. «А мотоцикл?» – спросите вы и совершенно справедливо вспомните о нём. И когда соседи бросали в адрес первой жены Ивана осуждающие слова, та нервно кричала в ответ:

– Нэ мы! Нэ мы! Это брат ейный злой был на них!

Была она то ли белоруска, то ли украинка – неизвестно, но была безграмотной и от этого дремуче некультурной. После взрыва она постоянно всем повторяла:

– Бог им судья! Бог им судья!

Сама, видно, бога не боялась, зато потом стала часто ходить в церковь замаливать свои грехи.

Вскоре после этих событий подозреваемая семья уехала из посёлка, а рана в семье Букелей долго не заживала. Полина долго прикрывала рукой одну половину лица: три шрама, и при разговоре дёргало лицо из-за повреждения нерва. Потом привыкла, старалась не смотреть в зеркало, а люди при встрече с ней опять вспоминали о том взрыве, некоторые чувствовали себя перед ней виновато – ведь многие тогда, не зная всей правды, поддерживали первую жену Ивана. И сейчас многие помнили, как однажды по весне, в одно из воскресений пошли Букели на базар, приоделись на праздник, а та увидела их в окно, выбежала из своей калитки и за ними с криками:

– Ах ты, падла, вырядилась! Ах ты, курва с котелком! – а сама черпала руками грязь из лужи и бросала на неё. Вся улица наблюдала, люди хохотали. Ну как же: бесплатный концерт! Только после взрыва Иван понял, какой опасности всегда подвергалась его семья. Бедная Поля, как она переживала за детей и правильно называла его непробойным. Видимо, нужны какие-то сильные потрясения, чтобы человек не разучился чувствовать и понимать правильно всё происходящее вокруг него.

Потом до посёлка доходили слухи о том, что бог наказал эту семью. Старуха умерла в одиночестве – она и сыновьям испортила жизнь, женились по нескольку раз – всё снохи были плохие, ни один внук её не вспомнит как бабушку – это ли не наказание? Такие люди всегда обречены – все их дела, поступки, мысли, душа – всё в них страшно запутано! Такие люди не только себе портят жизнь, но и тем, кто каким-то образом соприкасается с ними. И ещё очень важно помнить, что чем выше культура человека и степень добра, заложенного в нём родителями, тем и жизнь человека будет спокойнее и достойнее.

2003 год.

Рождение шахтёра, или Новенький на участке

Иван не шел, а летел, как на крыльях, домой – ему не терпелось похвалиться своим дипломом об окончании техникума. Настроение у него было на подъеме: наконец-то учеба позади, а впереди месяц полной свободы – можно съездить к бабушке в деревню. Красота! О предстоящей работе на шахте он ста-

рался не думать. Рос он в шахтерской семье, где было два сына. Его как младшего любили больше, а мать просто его избаловала. По дому помогал больше Федор, он и в огороде польет все и за скотиной присмотрит, и учился лучше, а этого и за хлебом сходить, бывало, не дозовешься.

– Лентяй, от любой работы открестится, на все у него важные причины. И в кого он такой уродился? – говорила мать в разговоре с мужем.

– Твой любимчик-то, – обычно отвечал лаконично муж и после затянувшегося молчания добавлял неоспоримые факты из семейной жизни.

– А ты помнишь, как Федьке обычно попадало за его проделки? За то, что плохо за ним следил?

И напоминал ей случай, как однажды двухлетний Ванька залез под стол, нашел там кастрюлю с яйцами и стал их вытаскивать, а старший брат, увидев его за таким занятием, стал его оттаскивать за рубашонку из-под стола. Разница в возрасте у них была два года. Мать, вернувшись из магазина, застала такую картину: оба сына ревели в один голос, барахтаясь в луже разбитых яиц.

– Ты ведь и тогда наказала одного Федьку! Плохо, видите ли, следил за Ванькой, а ему ведь тоже было всего четыре года! Ванька с детства привык выходить сухим из воды!

Вот теперь этому Ваньке предстояло идти работать в шахту. Отец все сокрушался:

– Ну какой из него шахтер! В шахте ведь работать надо, а не баклуши бить.

При распределении Ивана направили на участок вентиляции сменным горным, и он был доволен, считал, что на других участках работа тяжела для него. А здесь, по его мнению, было полегче, недаром на этом участке работало много женщин-шахтерок. Перед первой своей сменой Иван еще раз прочитал все инструкции по технике безопасности. Свои обязанности он хорошо усвоил – добросовестно обходить все выработки и отмечать состояние загазованности в

них по прибору, отмечать на стенде, расписаться обязательно – такой был порядок и такие обязанности у горных на участке вентиляции. Сейчас, конечно, изобрели новые приборы для определения уровня метана, но ответственность за свою работу с человека никто никогда не снимал. И отец ему об этом много говорил. И вот, перед первым спуском в шахту Иван надел шахтерскую рабочую робу, каску, резиновые сапоги, получил лампу и прибор для измерения газа. В шахтовой столовой взял прогресс и термос, налил воды в фляжку и спустился в шахту. После смены с непривычки гудели ноги, еле вымылся, а дома выпил воды и лег спать. И так продолжалось довольно долго. Отец его каждый день подбадривал:

– Привыкай, брат, к нашей шахтерской жизни! Эта работа почетна и, главное, нужна людям!

А Иван слушал и думал:

– Ничего себе работа! Одна роба сколько весит, а тебе надо столько прошагать в ней за смену?

И мозоли уже нажил, хоть отец его учил, как портянки наматывать на ноги правильно.

– Как солдату нужно уметь правильно пользоваться портянками, так и шахтеру, – говорил ему отец.

Иван стал привыкать к трудностям шахтерской жизни. После совета его напарницы иногда присесть и отдохнуть где-нибудь ему стало легче. Как-то в одну из смен он решил вернуться назад, не дойдя до дальней выработки – очень устал.

«Там всегда метан и не обнаруживался», – думал он. – Ничего не случится!»

Но сменщица не нашла его росписи там и сделала ему замечание. Он тогда сказал ей бодро: «Молодой, исправлюсь!» Но сам нет-нет, да и не дойдет до дальней выработки – повернет назад. Дело дошло до начальника участка, и так досталось Ивану от него, как никогда ему так не доставалось ни от кого.

– Ты понимаешь, где ты работаешь? В шахте! Здесь нельзя работать абы как! Она не терпит безответственных людей, – отчитывал он Ивана. Одна из работниц, которая хорошо знала его родителей, сказала ему с укором:

– Хоть бы не позорил родителей, их фамилию, отец всю жизнь работал в шахте!

Иван стоял красный, как рак, а после слов этой женщины, знакомой отца, он испугался, что об этом узнает отец и домашние. Это был первый и последний случай, когда приходилось ему стыдиться за свои дела на работе. А однажды, после дневной смены, Иван, придя домой и увидя, что отец колет дрова во дворе, взял у него топор.

– Отдохни, батя, я попробую!

Отец удивился: «Сам-то поди тоже устал?»

– Нет, батя, я привыкаю потихоньку.

После ужина, когда мать убирала со стола, отец сказал:

– Ну, мать, поздравляю! В нашей семье еще один шахтер родился. Иван – то заметно повзрослел!

2007 год.

Как обезьяна раков обижала

Многое изменилось в нашей жизни. Взять хотя бы увлечение восточными традициями. Это только подумать! На «первом» канале государственного телевидения поздравляли нас с наступившим годом Огненной Собаки! Самое интересное, что происходило все это 31 декабря, когда до той самой Собаки еще жить да жить!

А гороскопы?! Слышала однажды, как молодая учительница вполне серьезно делилась со своей коллегой: «Такие

драчливые у меня мальчишки в классе! Да и что удивляться-то? Ведь почти все родились в год Петуха!»

В нашей семье к астрологическим предсказаниям отношение двойное: женская половина иногда в гороскопы заглядывает, а внук с зятем решительно не интересуются ими. Но вот однажды в сознание зятя вкралось серьезное сомнение. И что главное - за один день, как раз накануне 31 декабря. Историю эту он многократно пересказывал всем друзьям и знакомым, а я даже решила записать ее от имени зятя.

...Случилось это в конце 2004 года Синей Обезьяны. Жена и дочь у меня - Раки, а мы сыном - Петухи. И синяя эта тварь, судя по гороскопам, была особенно недоброжелательна именно к Ракам и Петухам. Женщины мои весь год ждали от нее неприятностей. Я еще подтрунивал над ними. И не зря: ничего плохого в тот год у нас в доме не происходило. А наступающему году Петуха любимые мои радовались особенно - еще бы, нам он сулил все земные блага! Правда, наступить он должен был где-то в конце января 2005-го, но, как сами понимаете, это уже не важно. Была, правда, одна маленькая закавыка: жене предстояло 31-го дежурить, но тут уж ничего не поделаешь. И на гадость со стороны Обезьяны это не спишешь. «Ничего, - сказала она, - первого вернусь с работы, тут мама как раз придет, вот и отметим праздник».

Тридцать первое декабря есть тридцать первое. С утра принялись с ребятами лоск в квартире наводить, праздничный стол готовить. Забот - невпроворот! День улетал стремительно. Не давала покоя только одна мысль: что-то Вера моя не звонит. Потому что обычно узнавала она, все ли в порядке, частенько. С другой стороны, думаю, и у «Скорой» сегодня, наверное, не самый легкий денек. Часов в одиннадцать сам набрал номер телефона. «Ой, - говорят, - перезвоните попозже, у нас тут ЧП!»

«Мало ли чего?» - думаю. А на душе, хотите - верьте, хотите - нет, как-то не по себе стало.

После полуночи с трудом дозвонился до жены. Поздравляю ее с Новым годом. А она мне в ответ:

- Ты знаешь, а ведь мне сейчас операцию делали, три шва на руку наложили!

Я буквально застыл в недоумении, а она продолжает:

- Ты вот в гороскопы не веришь, а это все - Синяя Обезьяна.

Выяснил, что они с коллегами Новый год решили отметить бутылкой шампанского: чисто символически. Стала доставать ее из холодильника. А она возьми да и взорвись у нее в руке! Пришлось дежурному хирургу поработать. Так и встретили праздник - с перевязанной рукой и пустым бокалом.

Стал успокаивать Веру, как мог. Дескать, Обезьяна тут ни при чем, утро вечера мудренее. Жалею ее, конечно, но говорю, что до серебряной свадьбы все заживет.

Утром же Синяя маргышка, похоже, взбесилась совсем! Маму нашу мы еле дождались к полудню: сменщица заболела, пришлось искать другую. Ладно, новогодье все-таки встретили, как планировали: всей семьей, вместе с тещей. Женщины прилегли отдохнуть, а я, наведя порядок, отправился выносить мусор.

Тапочки - на босу ногу, куртка - внакидку, и - к лифту. Помню, еще порадовался: праздник, а лифт работает. На обратной дороге рванул к его спасительной двери, сами понимаете, на какой скорости. Жму кнопку, в воображении чай горячий с лимоном возник. Но тут где-то что-то погромыхало, лифт дернулся, остановился, а свет в кабине погас. Кнопка вызова молчит. Как назло, кто-то на лестнице лифт обругал, не работает, мол. Холод зверский, темнота мерзкая. Кричал: «Вера!», пока не охрип. А в голове тем временем вместо дымящейся кружки с чаем - кривляющаяся морда орангутанга, которого летом в зоопарке вместе с детьми смотрел, маячила.

Спасла, понятное дело, любящая жена. Забеспокоилась,

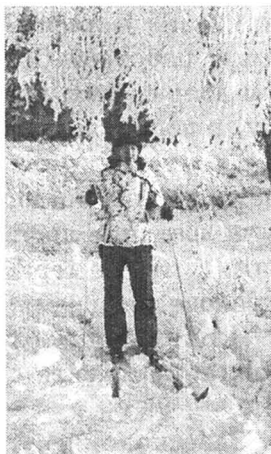
что меня долго нет, и отправилась на поиски. Святая женщина: своими руками полстакана водки налила!

Утром следующего дня теща домой отправилась. А про то, что «утро - вечера...» вы уже помните? Вот и я более-менее успокоился. Однако не успели с тещей расцеловаться, стала она замок на сапоге застегивать, а он возьми да и сломайся. Иду в гараж за машиной, а сам думаю: «Если сейчас на холоде сразу не заведется или еще что похуже, отправлюсь в Африку, истреблю все это племя, от которого, как говорят, человечество произошло». Тещу-то я отвез, зато по возвращении за несколько метров до гаража колесо спустило... А завтра мне еще предстояло тещин сапог в ремонт отдавать...

Вот вы улыбаетесь, а я тогда думал: а если опять макака исхитрится или звезда не так ляжет? Скажу честно, утешало лишь то, что наступающим годом Петух руководить будет.

2006 год.

В город пришла зима

Осень 2004 года затянулась явно не по-сибирски. Весь ноябрь стояла плюсовая температура, днём солнце светило совсем по-весеннему, с крыш капало, шли дожди со снегом. Раза два за месяц зима посетила наш город, как бы на разведку приходила и сыпала снежной крупой на улицы и дома, порошила слабым снежком, который быстро таял. А по утрам была гололедица, и днём огромные сосульки падали с грохотом с крыш и балконов, пугая прохожих. И вот в самом конце нояб-

ря, похоже, пришла, наконец-то, зима: весь день 26 числа шёл густой снег. Утром люди глянули из окон, а на улице всё бело! Все обрадовались зиме – надоела людям непонятная погода. При разговорах между собой люди в ноябре говорили:

– Скорее бы зима легла – надоела эта грязь и слякоть!

Другие философски замечали:

– Что вы хотите? Климат изменяется в Сибири, становится теплее! А люди ведь привыкают к определённым климатическим ритмам, а тут ни осень, ни зима. Вот и обрадовались все зиме - и стар и млад. Снег скрыл под собой черноту земли на улицах и дорогах – куда ни глянь – везде снег, снег, снег! Гроздь рябины низко склонилась под огромными шапками снега. Воздух сразу прочистился, дышалось легко, и так хорошо было на душе, что хотелось подружески крикнуть:

– Здравствуй, зима долгожданная!

Улицы и дома, ещё вчера по-осеннему унылые, теперь были сплошь покрыты белым снегом, блестящим на солнце, слепя от непривычки глаза. Писатель Паустовский очень точно определил появление первого снега, он сказал, что первый снег очень к лицу Земле.

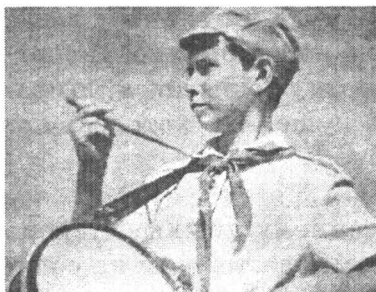
И дети, и взрослые всегда рады первому снегу. В этот день обычно все выходят на улицу гулять с детьми, играют с ними в снежки, катают их на санках. С этого дня на улицах по вечерам от снега становится светлее, а тёмные дождливые вечера позади.

В первые же выходные кто-то поедет на лыжную базу покататься на лыжах в лесном массиве, отдохнуть, подышать свежим воздухом, полюбоваться зимним лесом. Всё живо, всё ярко в преобразившейся природе зимой, всё переполнено бодрящей свежестью. Видимо, поэтому мы и любим это время года. Ну а зимний лес в снегу – это что-то неописуемое и впрямь! Деревья в своём белом одеянии похожи на каких-то причудливых великанов, укутанных в белые пла-

щи. Эту красоту можно увидеть у нас в Лесном городке, где и находится лыжная база. Как хорошо, накатавшись вдоволь на лыжах, отдохнуть потом, попить горячего чайку или кофе из термоса, предусмотрительно взятого из дома, а потом спокойно приехать домой на автобусе! Это даёт хороший заряд бодрости на всю неделю.

2004 год, г. Ленинск-Кузнецкий.

Барабанщики

Посвящается
Бельмасову А. М.

Возможно, кто-то ещё помнит, как в 70-е годы прошлого века все торжественные мероприятия во Дворце культуры города проходили с участием юных барабанщиков.

Стройные, в праздничной форме, в красных испанках, они отработанно исполняли марши, открывая праздничные торжества. А в сторонке от сцены всегда можно было видеть молоденького паренька, явно имеющего непосредственное отношение к этим барабанщикам. Вот об истории возникновения этого коллектива барабанщиков я хочу рассказать и, думаю, что она будет интересна прежде всего тем, кто выбрал профессию педагога.

В то время я работала в восьмилетней школе и однажды приняла классное руководство в шестом классе, да ещё в середине учебного года. Мне было известно, что с классом придётся поработать, что класс этот не подарок – по результатам полугодия класс был на последнем месте и по успеваемости, и по дисциплине. Слава у класса была стабильно отрицательной. Ребята, видимо, привыкли к тому, что

их постоянно ругали за что-то, что похвалить их не за что было, и ребята поверили в свою неисправимость.

Как правило, они часто сбегали с уроков, опаздывали, а плохая успеваемость мало их тревожила.

Начала с родительского собрания, потом на классном собрании выбрали новый актив класса – тогда ведь существовала пионерская организация. Выбрали звеньевых и председателя отряда. Затем было объявлено соревнование между звеньями, учредили флажок для победителей – учитывали и успеваемость, и опоздания, и отношение к дежурству по школе. Ребята заинтересовались, появились первые успехи, но работать с классом было трудно – из двоек класс не вылезал. Однажды одна учительница со стажем в сердцах сказала:

– Ну что вы хотите? Перевоспитывать всегда трудно – с ними 4 года работали по экспериментальному методу – без домашних заданий. Вот и результат!

В 7 класс с трудом, но перевели всех. После летних каникул ребята заметно подросли, особенно девочки. Составляя план работы с классом на новый учебный год, я выделяла для себя одну главную задачу - вывести класс из отстающих, заставить ребят поверить в себя. Не знаю, удалось бы мне это сделать за год, если бы не его величество Случай?

Наша школа была недалеко от Дворца пионеров, где работали различные кружки, в том числе был и кружок по подготовке барабанщиков. Однажды в школу пришёл руководитель этого кружка набирать новых ребят и, я думаю, что директор школы его сразу направила в мой класс по принципу – пусть хоть барабанить научатся, а то много шума бесполезного у них. Руководитель кружка провёл с ребятами беседу и, уходя, сказал:

– Завтра жду вас на первое занятие и без опозданий!

По реакции ребят я поняла, что руководитель кружка им понравился и что они загорелись желанием научиться бара-

банить. И теперь на переменах я частенько слышала, как ребята восторженно обсуждали свои занятия в кружке, а об руководителе своём отзывались восхищённо: «А наш Алёша – ништяк! Классный!»

Я решила поговорить с Алексеем Михайловичем и попросила его провести беседу с ребятами об их успеваемости и сказать им, что он будет интересоваться их учёбой. Это и сыграло свою роль – ребятам, конечно, не хотелось, чтобы руководитель их узнал о плохих отметках, и стали стараться. А тут как раз они начали готовиться к ноябрьским праздникам, им выдали новую парадную форму и новые барабаны. Они очень гордились тем, что будут открывать праздничные торжества. Дисциплина и успеваемость в классе стали меняться на глазах в лучшую сторону. Так и ушли они из школы после 8 класса как барабанщики, уважаемые всей школой. Вот так помог вытащить класс из отстающих человек, который и сейчас живёт в нашем городе и является уважаемым всеми. Это член союза писателей России Бельмасов Алексей Михайлович. Я уверена, что наши труды не пропали зря и что наши барабанщики выросли достойными гражданами нашего города.

2004 год.

Вот такое знакомство

РАССКАЗ ОДНОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ

По семейным обстоятельствам мне пришлось переехать в другой город. В городе я получила направление в одну из центральных школ города, которая располагалась в новом 2-этажном здании.

«Хорошо, что работа у меня будет недалеко от дома», – думала я, направля-

ясь знакомиться со школой и её директором. Погода была чудесная, несмотря на позднюю осень – стояли тёплые, солнечные дни. В школе заканчивалась первая четверть, и после шли короткие ноябрьские каникулы.

«Тоже удачно – начну работать с новой четверти!» – снова подумала я.

Парадный вход был закрыт и, по опыту работы в старой школе, я пошла искать запасной ход. Но он тоже оказался закрыт.

Что такое? Время ещё 5 часов, вторая смена ещё не должна закончиться.

И вдруг откуда-то сверху я услышала:

– А всё закрыли. Это потому, что сегодня вечер в школе, чтобы не просочился кому не надо. Вечер по химии.

Я оглянулась на голос. На сложенных под окном досках стоял подросток лет 14-15 – довольно-таки симпатичное существо с причёской а-ля Битлз. Он деловито пытался открыть окно. Я, естественно, пыталась его отговорить от этой затеи и сказала как можно убедительнее:

– Не откроешь ведь и стекло разобьёшь!

– Не, не разобью, сейчас открою, там шпингалеты уже подняты. – Он оказался разговорчивым малым. – Хочу посмотреть, чего там интересного будет. Обещали, что будут показывать опыты с кислотами, а мне химичка сказала, чтоб я на вечер не приходил для профилактики – боится, что взорву ей кабинет.

– Интересуешься химией? – спросила я.

– Секу немного. Да я бы не ушёл – меня выгнали.

– За что же?

– За урну.

– Разбил что ли?

– Да нет, самоходку сделал, ну урок сорвал – все же хотели, дураки, – добавил он в сердцах. Я поняла, что «изобретатель» обижен, и спросила его с явным интересом:

– Как же ты эту урну смастерил?

– А на полупроводниках, реле там... да это просто...

– Ну не расстраивайся ты так, ведь учёного Эйнштейна с его теорией относительности тоже сразу не оценили, – решила я поддержать юного изобретателя. Тем временем, окно потихоньку поддавалось, и вот мой юный знакомый тихонько открыл его и прислушался – он явно не хотел дальнейших осложнений в своей жизни.

– Ну, я пошёл! – сказал он, залезая в окно. – А вы идите к этой двери, я вам открою сейчас.

И вдруг спросил, видимо, проявляя бдительность хозяйна школы:

– А вам зачем вообще-то в школу?

– Работать здесь буду, физику буду вести в 8-х классах. А ты в каком классе учишься?

– Я – в 8 «А».

Вот и познакомились! Я пошла к двери – а что мне оставалось делать?

Закрывая за мной дверь, он удивил меня ещё больше, когда вдруг обратился ко мне с необычной просьбой.

– Если меня будут выгонять с вечера, скажите, что вы – моя тётя, что я привёл вас вместо матери.

– Час от часу не легче! – подумала я. А малый – находчивый и, мягко говоря, наглый – ведь он теперь знает, что я – учительница и всё равно решил воспользоваться случаем.

Но мне почему-то хотелось помочь этому любознательному ученику и в душе я надеялась, что мне не придётся всё-таки играть роль его тётки и что его не заметят на вечере. Но я ошиблась, завуч сразу его заметила, это она и послала его за родителями, так что мне пришлось сыграть роль тётки этого предприимчивого малого. Директора, на моё счастье, не было в школе, и после разговора с завучем по поводу поведения моего подопечного моего новоявленного «племянника» оставили на вечере. Конечно, завучу я не стала представляться и собиралась при случае всё объяс-

нить ей. Шла домой и думала: «Вот ведь как бывает, прямо какая-то детективная школьная история». Эту историю я никогда никому не рассказывала, а для завуча, если она меня запомнила только, я так и осталась родственницей одного из её учеников.

Минули ноябрьские праздники, и началась вторая четверть, тоже короткая и напряжённая. Учащиеся 8-х классов встретили новую «физичку» весьма достойно, без обычных проверок на педагогическую прочность. Я думаю, что в этом сыграло свою роль моё знакомство с юным изобретателем. Он, видимо, как мог постарался представить меня заочно на своём сленге типа физичка добрая, простая, ништяк или ещё что-то в этом роде, как бы пытаюсь не остаться в долгу передо мной. Юный изобретатель оказался Сергеем Ивановым, довольно-таки смышлёным учеником, которого больше всего интересовала техника в ущерб учёбе. Когда в школе был создан предметный кружок по физике, Сергей первый записался в него. На первом же занятии кружка его избрали старостой – это было не что иное как признание его авторитета среди товарищей. Я же поставила перед старостой кружка и всеми его членами условие: каждый опыт или изобретение согласовывать лично со мной, тем более, всякие испытания своих изобретений.

2005 год.

Ответ с достоинством

УСЛЫШАННАЯ КАВКАЗСКАЯ ПРИТЧА

Однажды известного поэта пригласили на обед. Он знал, что тот, кто пригласил его на обед, был человеком завистливым и недалёким, и недолюбливал его. Но зная, что на обеде будут все его друзья, поэт решил присутствовать на нём. Поэт не знал того, что хозяин был ещё и коварен: он

договорился с тамадой зло подшутить над поэтом, унижить его в глазах гостей, явно желая плеснуть свою кружку воды в костёр славы поэта, который ещё ярче стал разгораться после выхода новой книги стихов поэта.

И вот, когда тамада произнёс очередной тост, он подошёл к поэту и поднёс ему чарку с вином. Поэт пригубил её и вернул тамаде со словами:

– Простите меня, но я не пью.

Тогда тамада вылил ему вино за воротник, говоря:

– Вот тебе за то, что ты его не выпил! Не умеешь пить – не садись за стол. Из-за тебя одного мы не можем нарушать наш обычай!

Гости застыли, ожидая скандала, но поэт был мудрым человеком и спокойно ответил тамаде:

– Я не знал этого обычая, но в каждом правиле должны быть исключения. Ну, что же, придётся теперь повиноваться!

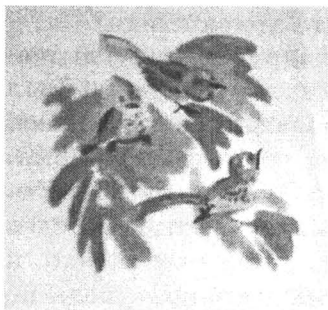
Прошло несколько месяцев, и на этот раз гостей пригласил к себе на обед сам поэт. Среди его гостей был и тот тамада, его обидчик. Друзья поэта любили играть в такую игру: допиши строку в рифму. В определённый момент хозяин сел за стол и написал несколько строк стиха, потом он передал своё перо обидчику и попросил его закончить начатое стихотворение.

– Я не умею писать стихи! – удивился гость.

– Как это не умеешь? Так почему ты здесь, за моим столом? Теперь, по обычаю, я должен вылить тебе чернила за шиворот!

Гости были в курсе этих событий и одобрительно засмеялись, явно поддерживая хозяина, который и сейчас оказался на высоте – он взял со стола чернильницу, выдержал небольшую паузу и в полнейшей тишине поставил её на стол.

2004 год.

Звуки природы

Весь день стояла жара, было душно, и люди с облегчением вздохнули, когда раскалённый диск солнца, наконец, скрылся за горизонтом. Но духота не сразу прошла — всё, что за день накалило солнце, издавало жар, остывало медленно. Люди пооткрывали балконы и окна, чтобы проветрить квартиры, но прохлада наступала медленно, и люди долго не ложились спать. Я в ту ночь тоже легла поздно и долго не могла уснуть, два раза выходила на балкон, вслушивалась в нарастающую ночную тишину. Проснулась под утро, балкон так и оставался открытым с вечера. Разбудили меня какие-то звуки, похожие на храп человека. Шёл пятый час, я вышла на балкон. Стояла глухая предрассветная тишина, и звуки эти ясно раздавались где-то рядом.

Три-лирли, чив-чив! Три-лирли, чив-чив! Как вдох глубокий и выдох спящего человека. Первое, что пришло мне в голову: это кто-то из соседей спит на балконе, в квартирах-то духота! Я прислушалась и поняла, что эти звуки шли из глубины деревьев, которые буйно разрослись в нашем дворе. Неужели это птица такие трели выделяет? Она совершенно точно имитировала храп человека — просто удивительно!

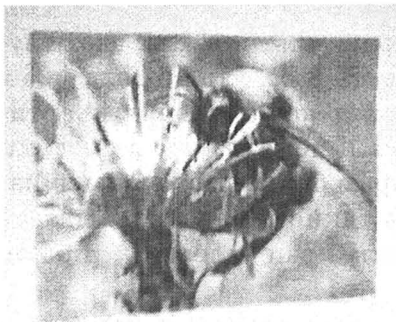
Вдох-выдох! Вдох-выдох! Я долго стояла на балконе и слушала, и вдруг эти звуки стали перебиваться чириканьем другой птицы: чив-чив-чив! Чив-чив-чив! Да так яростно, что я подумала, что этот горластый Чив-чив всех сейчас разбудит.

И действительно, вскоре те убаюкивающие трели первой птицы прекратились.

Наверное, проснулась! Интересно, что это за птица?

Через три дня я пошла в магазин и вдруг опять услышала те убаюкивающие звуки – три-лирли, чив-чив! Был день – не время для сна. Трели раздавались с деревьев, которые росли на территории детсада около нашего дома. Ну вот, подумала я, теперь я увижу эту птичку воочию. Трели лились с высокого тополя, где в гуще листвы и сидел певец, а может, и певичка. Возможно, у них там гнездо, и родители так поют своим птенцам колыбельную, ведь по времени – то вполне может быть – был июнь. Я долго стояла у дерева, стараясь разглядеть среди листвы хозяина трелей, но тополь был очень высок, и я так ничего не увидела. Для меня это так и осталось загадкой. А сколько ещё таких удивительных загадок преподносит нам матушка природа и братья наши меньшие!

Случай на даче

Однажды в июле я решила собрать немного лепестков шиповника. Я добавляю их в чай – он получается очень ароматным. Многие кусты уже отцвели, и лепестки легко осыпались в ладони, и ягоде это уже не вредило. Было часов девять вечера, и меня ждали в машине, чтобы

ехать домой. Лепестки я торопливо складывала в целлофановый мешочек. Я сорвала несколько ещё не отцветших бутонов и вдруг услышала какой-то жалобный писк, скорее всего, это был не писк, а плач ребёнка. Днём мы долго искали свою кошку, она у нас летом на даче живёт, а тут куда-то пропала – так и не нашли мы её. Я сразу подумала,

что это кошка наша где-то в кустах, возможно, её сбили машиной и она зовёт на помощь. Я стала звать её, осмотрела все кусты - никого, а плач продолжается, и прямо около меня. Что за чертовщина! И вдруг я поняла, что звуки исходят из мешочка с лепестками. Я стала перебирать лепестки - звуки прекратились и из них медленно вылез большой мохнатый шмель. Он немного повозился, потом спокойно взлетел и скрылся в зарослях шиповника.

- Как же я его не увидела? - подумала я, - и почему он не улетел, когда я трясла кусты? Но он молодец, хорошо умеет звать на помощь.

Все эти события дня, видимо, как-то подействовали на меня, потому что ночью мне приснился сон - я на даче и из зарослей выходит шмель в образе человека. На нем полосатая черно-желтая накидка и черная шляпа с пером.

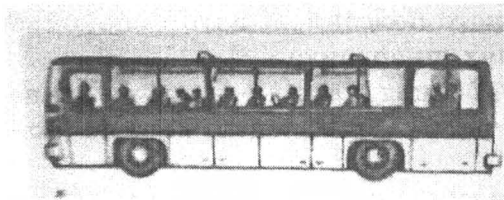
- Вы меня не узнаете? - спрашивает меня, - я - один из самых благородных шмелей. Разве вы не знали, что мы любим спать в цветах роз и шиповника? Я только заснул, видимо, и проснулся оттого, что стал задыхаться. Спасибо, что вы меня услышали и освободили, я был в отчаянии, я боялся, что вы меня не услышите - ведь мы, представители микромира, очень маленькие по сравнению с вами. Я очень вам благодарен за помощь, а так же и моя подруга, мы с ней всё лето живём в этих зарослях. Моя подруга тоже мне помогала, она тоже звала на помощь, наши звуки сливались и усиливались и становились похожими на плач ребёнка, а люди эти звуки хорошо слышат.

Я проснулась и подумала: «Вот почему мне послышался плач ребенка!»

Я решила записать этот случай и с тех пор я осторожно стараюсь рвать любые цветы - а вдруг в цветке кто-то спит или лакомится сладким нектаром?

В троллейбусе

(ДОРОЖНАЯ ЗАРИСОВКА)

В салоне троллейбуса было сравнительно просторно, все пассажиры удобно сидели на местах, и только несколько человек стояли в проходе. На очередной оста-

новке в салон вошли трое, и среди них был мужчина лет сорока пяти в норковой шапке. Двое прошли по салону вперед, а мужчина в норковой шапке встал рядом с сидевшей юной девушкой. Она взглянула на него и увидела его усталое лицо, и тихо предложила, вставая:

- Садитесь, я постою.

- Ничего, ничего, девушка, сидите! – слегка смутившись, сказал мужчина.

Он совсем не хотел садиться, но дама, сидящая перед девушкой, обернулась и сказала громко:

- Садитесь, она молодая, постоит. Ноги, поди, не отвалятся!

Мужчина как-то виновато посмотрел на вставшую девушку и сел. Другие пассажиры, скорее всего, не поняв ситуации до конца, стали тут же обмениваться репликами:

- Подумать только, какая молодежь пошла! – сказала пожилая женщина в пуховом платке. - Никогда не уступят место, не жди!

- А что вы хотите? – это уже говорил какой-то мужчина с первого сиденья. - У них только танцульки в голове.

Никто из пассажиров не знал, что эта девушка сутки продежурила у постели больной матери. А в салоне трол-

лейбуса, как снежный ком, росло выступление пассажиров. Мужской голос в конце салона бормотал:

- И как таких земля носит?

А соседка его добавила:

- Ишь цаца какая! Как вырядилась!

Остальные все это равнодушно слушали, а у девушки на глазах наворачивались слезы от обиды, и сейчас ей больше всего хотелось выйти из троллейбуса поскорее. На ближайшей остановке она вышла и только тут горько заплакала.

Так девушка стала жертвой морального преступления: в салоне были одни равнодушные и некому ее было защитить. А ведь равнодушные – это тоже преступление.

2004 год.

Случай на лесной дороге

В последнее воскресенье июня Левины решили поехать в поле – нужно было окучить картошку и собрать колорадского жука с ботвы. Родители на этот раз взяли с собой на поле и детей – дочь Юлю, двенадцати лет, и сына Мишу, семи лет, который никогда не

был в поле. Миша был прямо в восторге, с самого вечера стал готовиться к поездке и всем советы давал, как лучше собирать жуков с ботвы:

– Их надо быстро венником в ведро, а потом в полиэтиленовый мешок, завязать и в костер или раздавить их. Дядя Вася так делал!

Утром встали все рано, наспех попили чай, загрузили таяпки, бутылки с водой и сумки с едой в багажник и трону-

лись в путь. Поле было далеко от города, они долго ехали сначала по трассе, потом свернули на проселочную дорогу, которая затем проходила через березовую рощицу. Теперь машина ехала по настоящей лесной дороге, как по ковру. Дети открыли окна и с интересом смотрели на окружающую природу, вдыхая свежий лесной воздух. Ехали на малой скорости, колеса тихо шуршали по примятой траве.

- Смотрите! Вон камыши растут! – сказал Миша, показывая рукой направо от дороги.

Справа от дороги были заросли кустарника, а за ними виднелся камыш.

- Где камыш, там и вода – болото или речка какая-то, – сказал отец.

И вдруг на дороге, метрах пятнадцати от машины они увидели то ли лесную куропатку, то ли болотную курицу с огромным выводком – штук пятнадцать птенцов бодро бежали за матерью. Шум машины видимо их спугнул и наседка быстро бежала по дороге, уводя деток подальше от опасности. Левины остановили машину и вышли, чтобы воочию полюбоваться редким зрелищем. Наверняка, это был подарок детям свыше в этот день их путешествия. Все стояли молча и наблюдали за зрелищем.

- А ведь их сейчас так легко поймать, – сказал вдруг отец, явно имея ввиду птенцов.

Сказал он это не с целью побудить азарт на ловлю, а скорее всего обратить внимание детей на то, как беззащитны бывают порой братья наши меньшие. Но увы! Брошенная отцом фраза была воспринята семилетним Мишей по-своему: без единого слова он сорвался с места и побежал по дороге за выводком. Он быстро приближался к нему, а куропатка побежала быстрее, почувствовав погоню. Родители и сестра кричали Мише, чтоб он вернулся немедленно, но он ничего не слышал в азарте поймать кого-нибудь непременно. Он бежал и гнал мать с птенцами все дальше. Птенцы стали убегать в густую траву слева от дороги, а куропатка

все бежала и бежала и вдруг скрылась в кустарнике. Так наседка оказалась в противоположной стороне от своих детей. Миша остановился резко и побежал назад к машине. Он прибежал весь красный от возбуждения и от бега и как бы не слышал, как все принялись его ругать.

- Ну зачем ты бежал за ними? Они же такие беззащитные, они не хотели отставать от матери своей, они испугались, а ты их загнал в кусты слева от дороги, а мать-то оказалась в кустах справа и теперь они потеряют друг друга. Эх ты, дурачок!

А тут ещё и мать начала его ругать:

- Мы тебе же кричали, чтобы ты вернулся! Вот как теперь они все соберутся? Как детки найдут свою маму?

- Ну хватит вам его ругать, ничего с ними не случится, - сказал отец.

Миша всё это слушал молча, но после слов отца вдруг громко заплакал. Он плакал и причитал:

- Сами виноваты! Я только хотел поймать одного! Вы сами сказали!

Отец, который понял вину свою во всём случившемся, стал успокаивать сына:

- Ничего страшного не случилось, Миша. Наседка найдёт потом своих детей, она же будет звать их, и они соберутся вместе обязательно.

Но Миша всё никак не мог успокоиться, он всё плакал и плакал и уж не от того, что его отругали, а от того, что ему было жалко наседку с птенцами. Он всхлипывал всё, пока ехали до поля.

Когда приехали на поле и стали переодеваться, Миша повеселел, увидел красивую бабочку и побежал за ней, а отец сказал жене и дочери:

- Больше не напоминайте ему об этой куропатке, он и так всё запомнит на всю жизнь.

Родители стали окучивать картошку, а дети собирали с ботвы колорадского жука. Во время обеденного перерыва все покушали с аппетитом и снова за работу. Настроение у

Миши было отличное, как-будто и не было того неприятного случая утром. Наука психология это явление – быструю смену настроения у детей – считает нормальным явлением. Но взрослым при общении с детьми нужно помнить, что им всегда нужно быть осторожнее в выборе слов и фраз, чтобы не дай бог причинить вред неустойчивой детской нервной системе. Вот уж поистине, права пословица: «Слово не воробей, вылетит - не поймаешь!»

Покаяние

РАССКАЗ - БЫЛЬ

На улице было скользко после вчерашней оттепели, и Нина Ивановна шла осторожно, опираясь на палочку. Был конец месяца, и ей нужно было заплатить за электричество. В зале конторы было много народу. Квитанции оформляли в двух окошках, а в третьем была касса, где принимали деньги. Нина

Ивановна заняла очередь в первое окно и встала у стенки рядом с дверью – сесть было негде. Периодически входная дверь открывалась, впуская нового посетителя, и вместе с ним в зал врывались клубы белого, холодного воздуха. И так же периодически из первого окошка сотрудница конторы недовольно кричала:

– Закрывайте двери за собой, не лето же!

Очередь к окошку двигалась медленно, без очереди пропускали ветеранов войны, с некоторыми разбирались долго. До окошка, к которому стояла Нина Ивановна, оставалось

человек семь, когда её заметила издали давняя знакомая:

– Сколько лет, сколько зим! Привет! Как здоровье? – затараторила она.

– Да как сказать? По возрасту – то тут болит, то там! Ну а ты как? Где дочка, внучка?

– В Кемерове так и живут, а внучка уже институт закончила.

– Я помню, как ты переживала, когда твоя внучка тяжело заболела, и я была рада, что ей помог мой женьшень тогда. Муж мне привёз его из Кореи незадолго до этого.

– Как же! Помню и спасибо тебе за то.

И вдруг неожиданно сказала:

– Нина, я давно хочу у тебя попросить прощения. Сколько раз я мысленно просила у тебя прощения, но это всё не то! Ты прости меня, прости!

Нина Ивановна была удивлена, засмеялась и спросила:

– Да за что я тебя должна простить-то?

– Прости меня! Простишь?

Нине Ивановне стало просто интересно, почему она так настойчиво просит прощения у неё:

– Только когда узнаю, за что тебя прощать. Мне кажется, ты ничего плохого мне не сделала. Работали мы вместе долго, но отношения были нормальными.

– Это было ещё до того, как мы начали вместе работать, до нашего знакомства с тобой. Прости меня!

На них уже стали обращать внимание рядом стоящие люди.

– Нет, ты скажи за что тебя прощать?

– Долго рассказывать – то, дай мне свой телефон, я тебе вечером позвоню и расскажу, только прости меня.

Нина Ивановна назвала ей номер телефона, она быстро его записала и пошла к кассе уплатить деньги.

Нина Ивановна шла домой озадаченная этим событием. Она стала вспоминать свои отношения с бывшей сослуживицей, но ничего плохого не вспомнила и с любопытным

интересом стала ждать вечера. Эта встреча невольно заставила её вспомнить нерадостные моменты из своей жизни.

Так уж получилось, что она вышла замуж за разведённого мужчину и познакомили её с ним коллеги по работе. К тому времени он уже не жил с семьёй – жена ушла от него с дочерью к матери после трёх лет совместной жизни. Тогда ходили слухи, что жена ему изменила, и он не простил, но точно причину их развода никто не знал. Нина Ивановна прожила с мужем семнадцать лет, нажили двоих детей, но счастья с ним не обрела – разошлись. В её жизни было много и друзей и недругов.

Нина Ивановна подумала вслух:

– Неужели она была моей недоброжелательницей?

В восемь вечера зазвонил телефон.

– Нина, ты помнишь, как однажды в коллективе ты рассказывала о том, как вы с мужем выгоняли крысу из своей квартиры? Это я тогда посоветовала твоим недоброжелателям подкинуть вам крысу. Ведь прежняя родня твоего мужа были нашими соседями, и всю историю их жизни с твоим мужем знали.

Последними её словами были: «Прости меня, я ведь тебя тогда не знала!»

Нина Ивановна поняла, что ей было очень неудобно всё это сказать прямо в глаза.

Нина Ивановна вспомнила, как она тогда старалась убедить мужа в том, что крысу эту им специально подбросили, да ещё беременную. Она ведь могла напугать детей, поцарапать их. А если бы родила в квартире крысят?

От этой мысли и сейчас у неё похолодело в груди – девочки её тогда были совсем маленькие! Вот значит как! Значит права она тогда была, когда убеждала мужа в том, что это гнусное дело совершила его бывшая тёща. Она всегда доверяла мужу и не препятствовала ему в посещении дочери от первого брака – все жили в одном городе.

Однажды зимним вечером, когда мужа не было дома,

его бывшая тёща пришла к ним якобы за адресом одной родственницы, и Нина Ивановна тогда обратила внимание на большую сумку, с которой та пришла. Нина Ивановна пригласила её пройти в зал, но та сказала, что подождёт в коридоре и, видимо, пока Нина Ивановна ходила за адресом в зал, она и выпустила из сумки эту крысу. Только дней через пять стали замечать в ванной мышиный помёт. Мышей у них никогда не было, жили они на третьем этаже. Стали наблюдать и вскоре поняли, что завелась крыса в квартире, но откуда? Нина Ивановна сразу вспомнила ту сумку, скоторой пришла тогда тёща мужа и поняла, что крысу подбросила она. Она поделилась своими подозрениями с мужем, но он даже слушать её не стал и сказал:

– Это она через вентиляцию проникла, а ты говоришь какую-то ерунду!

Как пожалела сейчас она о том, что мужа нет в живых – узнал бы сейчас правду и может быть понял, наконец-то, что был плохим защитником для своей семьи и для неё лично, и это она чувствовала постоянно. Родня его прежней жены постоянно вредили её семье – то сплетнями, то придумывали подобное этой крысе. А почему? Семью она не разбивала, сами разбежались за три года до их знакомства. Скорее всего была зависть, что у него сложилась семья, растут две дочери. Правду гласит поговорка: «Что имеем – не храним, а потерявши – плачем». Но ведь они в первую очередь знали, что муж вообще-то был не подарок, и первая жена его просто убежала жить к матери, а теперь стало очевидно.

Нина Ивановна вспомнила о том, как они выгоняли ту крысу из квартиры. Она пряталась в ванной комнате под самой ванной. Муж вооружился кочергой и лыжной палкой, она взяла шумовку из углярки, оба надели сапоги, ибо знали, что крысы могут бросаться на человека, защищаясь. Дверь в зал плотно закрыли, дети забрались на диван, открыли настежь наружную дверь. Потом это событие в семье они назвали операцией «Крыса».

Из-под ванны лыжной палкой муж достал крысу, и она перебежала в другое место и спряталась за трубами, оттуда он стал доставать её кочергой, а когда, наконец-то, она оказалась в коридоре, спряталась под обувной столик.

– Закрой плотнее дверь в ванную и щель под дверью чем-нибудь заложь. Её надо на площадку скорее выгнать! – кричал в азарте муж.

Он стал шуровать кочергой в коридоре. Крыса пищала, перебегала с места на место, но на холод выходить не хотела. Наконец, муж изловчился как-то и подцепил крысу кочергой, а она сорвалась с кочерги и бросилась на него, но он успел её отбросить, как шайбу, кочергой прямо в холодный коридор.

Крыса побежала вниз по лестнице и забилась в угол на площадке. На неё было страшно смотреть – она стояла на задних лапах в стойке нападающего и злобно щерилась. Муж только хотел её спугнуть с места, чтобы она начала спускаться вниз, как крыса бросилась на него и укусила за руку. Вот после этого он понял, что крыса агрессивна и опасна, и он её убил и на шумовке отнёс на мусорку. Рану обработали йодом и обошлось без последствий.

Нина Ивановна тогда сказала мужу:

– Видишь, какая опасность грозила нашим детям. Крыса ещё агрессивней была бы, если бы родились крысята – на это, видимо, и рассчитывали наши недоброжелатели.

Вот так через много лет всё прояснилось и всё тайное стало явным.

Как читатель, наверное, отметил, в нашем рассказе не одна грешница – второй была бывшая тёща мужа и умерла она не прощённая, а вторая жила с тяжёлым грузом на душе много лет. Люди сами создают свой собственный ад в душах, и этот ад их мучит и жжёт до самой смерти. И этот ад будет их разъедать изнутри подсознательно и портить их здоровье.

Роспись в старой книге

РАССКАЗ-БЫЛЬ

Майским тёплым днём Валентина Николаевна возвращалась домой с работы, она работала в школе в первую смену. Как обычно, по дороге домой она успевала зайти в магазин за продуктами и забежать ещё по делам, например, сделать платёжки за коммунальные услуги. В этот день ей нужно было зайти на почту и отправить денежный перевод родителям. Почта размещалась на первом этаже 5-этажного кирпичного дома с торца и занимала небольшое помещение. Посреди комнаты стоял стол, весь заваленный газетами с итогами лотерейных тиражей. В то время в стране регулярно проводились розыгрыши денежно-вещевой лотереи, билет стоил три рубля, и многие покупали, надеясь выиграть какую-нибудь дефицитную вещь, например, холодильник.

Заполняя бланки перевода тут же на краешке стола, Валентина Николаевна услышала мужской голос:

– Я же говорил – бесполезно!

Другой голос ему ответил:

– Да! Не везёт тебе в жизни, Петрович!

Валентина Николаевна подняла голову и увидела двух пожилых мужчин в засаленной рабочей одежде железнодорожников. Тут же у двери лежали их сумки с инструментами и фонари. Она подсознательно вспомнила, что так Петровичем вся их родня звала её родного дядю Федю, мужа её родной тётки Дуси. Он пропал без вести на фронте, и она осталась с тремя детьми. И тут же вспомнила, как однажды, будучи в отпуске у родителей, она слышала, как мать тихо сказала о своей сестре, как бы осуждая её:

– Дуська-то решила не отказываться от льгот вдовы фронтовика и не поехала к Петровичу.

Вот тогда Валентина Николаевна поняла, что дядя Федя жив и, видимо, был в плену и сейчас где-то на поселении.

Много об этом в родне не говорили. Потом уж узнали, что он был в армии генерала Власова, который сдал остатки уже недееспособной армии немцам. Так дядя Федя остался жив. После войны Власова, расстреляли, а наших солдат и офицеров из его армии сослали в лагеря в Сибирь, Казахстан, на Север. А родные долго не знали, что они живы, и многие погибли в этих лагерях. Правды о генерале Власове до сих пор не существует, хотя сейчас рассекретили многие документы. Наши корреспонденты сразу после войны хотели в Берлине узнать всё об этом деле, но никаких документов не нашли. В своей стране обращались во всякие серьёзные организации, даже к самому Андропову, но ответ был один: сведениями об этом не располагаем. Странно! Много ходит разных легенд о Власове и публикаций, а в интернете его называют даже разведчиком. Вот так! Есть легенда о двойнике генерала, который мог воспользоваться шинелью генеральской и выдать себя за генерала. Очевидцы говорили, что Власов свою шинель отдал, чтоб нести раненого солдата, да и рассказы очевидцев очень разноречивы зачастую. Нужно только не упускать из виду тот факт, что Власов принял командование 2-ой ударной армией после того, когда две трети её было разгромлено и, чтобы спасти последних людей, было и принято такое решение – ведь ни продовольствия, ни боеприпасов не было уже, и поддержать эту армию нечем было – положение на фронтах было тяжёлым. А немцы не должны были это знать, и поневоле на ум приходит мысль, что решение это принимал не один Власов.

Как тётка узнала, что её муж жив, Валентина Николаевна не знала, но она сохранила статус вдовы погибшего и все льготы на детей, а потом и квартиру получила в новом доме.

Валентина Николаевна к тому времени жила и работала в Сибири, в Кузбассе. И вот на почте она взглянула мельком на тех мужчин и ни в одном не обнаружила знакомых

черт – тот, которого звали Петровичем, был беззубым к тому же. Она подумала:

– Чудес на свете не бывает! Прошло столько лет! Мало ли кого привыкли звать Петровичем. Какой-то внутренний голос советовал спросить фамилию этого Петровича, но она не спросила.

Ей было 8 лет, когда он уходил на фронт, и фото его сохранилось у неё, но в облике того человека она не нашла ничего знакомого. Дядя Федя был добрым по натуре человеком, любил детей и своих и племянников. Ей запомнилась на всю жизнь, как его провожала вся родня на фронт. Детей оставили с бабушкой, а взрослые пошли все на вокзал его провожать. Она помнит, как мать вернулась домой, положила на стол какой-то свёрток и сказала:

– Не взял Петрович халву и сказал, чтобы дети ели, – вам гостинец, стало быть.

Теперь халва всё время напоминала ей о дяде Феде. После этого случая на почте прошло немало времени, и вот однажды в школе, где она работала, объявили о сборе макулатуры. Началось соревнование между классами – кто больше принесёт. Класс Валентины Николаевны натащил кучу всякой макулатуры: тут и книги были старые, и тетради, и журналы, и брошюры разные. После уроков она стала разбирать всю эту кучу бумаг и откладывала всё, что было с портретами вождей, с их докладами – тогда за это можно было получить хороший втык по партийной линии. Среди этих бумаг она увидела книгу автора Хейердала, знаменитого путешественника – «Путешествие на Кон-Тики». Книга была старая, зачитанная и грязноватая. Она сама читала эту книгу – когда-то брала в библиотеке, а дома такой не было. Она отложила книгу и вместе с другой отобранной литературой положила в школьный шкаф, подумав:

– Обернуть только нужно книгу, пусть мои девчонки прочитают.

Положила и забыла про книгу в суматохе школьной

жизни – учителю в то время не хватало суток, чтобы выполнить все обязанности, возложенные на него – мыть полы после смены с дежурными ребятами, чистить дороги, посещать квартиры учеников, по вечерам участвовать в рейдах по району вместе с дружинниками и милицией и много чего другого, кроме основной работы учителя – учить детей своему предмету.

Принесла она эту книгу домой только весной, когда стали заниматься ремонтом в классе, и снова положила по-дальше, за другие книги, снова подумав:

– Надо обернуть, тогда и покажу своим!

Так и пролежала эта книга до того дня, когда в квартире начали ремонт. Валентина Николаевна уже была на пенсии и вот, разбирая книги в шкафу со старшим внуком, они и обнаружили эту книгу. На этот раз Валентина Николаевна открыла книгу и сразу увидела роспись чернилами и перьевой ручкой – Адайкин – подчерк был такой, каким писали тогда люди старшего поколения. Адайкин! Это же фамилия дяди Феди – он по национальности был мордвин. Она стала листать книгу и обнаружила ещё одну роспись, но уже с инициалами Ф. П. Адайкин. Её бросило в жар – эта книга была в руках дяди Феди! Сразу вспомнился случай на почте и мысль мелькнула в голове – тогда это был он! Пролистав несколько страниц, она нашла оттиск какой-то нерусской печати, то ли на казахском языке, то ли на узбекском. Вероятно, он отбывал срок где-то в Казахстане, а потом стал жить в её городе или где-то совсем рядом, и она с ним даже встретилась, но не узнали друг друга – ведь столько лет прошло! Но в жизни ей было суждено увидеть его и получить от него подарок – эту книгу. Конечно, его уже нет в живых – он был примерно с 1900 года. Теперь её главной задачей была задача отыскать людей, помнящих его и живших с ним рядом в последние годы. Кто тогда сдал эту книгу в макулатуру – теперь сложно узнать, а ведь через того ученика или ученицу она тогда могла бы кое-что узнать о дяде гораздо раньше.

Разговор с внучкой

Бабушка с внучкой лет пяти сидели на балконе. Был солнечный погожий день. Внучка играла с куклой – она передевала её в новое платье, которое они вместе с бабушкой сшили из её старого платья. Бабушка вязала толстым крючком кругляшок–половичок, как называла эти коврики внучка. Девочка наряжала свою куклу в новый наряд и приговаривала:

– Вот я выросла большая, и мне стало платье мало, и мы с бабушкой сшили из него тебе новое платье. Теперь у тебя будет это красивое платье. Мама хотела выбросить моё платье, а оно вот пригодилось.

Бабушка вязала коврик и прислушивалась к разговору внучки с куклой.

– Вот смотри, внученька, какой кругляшок–половичок у меня получится из старых вещей. Напрасно люди выбрасывают не глядя старые вещи – они ведь могут ещё пригодиться. Не хотят подумать и потрудиться, чтобы старым вещам новую жизнь дать. Ведь каждая вещь имеет свою пользу.

Девочка слушала бабушку и соглашалась:

– Да, да, бабуля, вон ты какие красивые кругляшки–половички вяжешь! Разноцветные!

Вдруг подул лёгкий ветерок, и с тополя, который рос у дома, весело полетели тополиные пушинки прямо к ним на балкон. Девочка засмеялась и стала ловить пушинки руками, а потом и спрашивает;

– Бабуля, а вот эти пушинки тоже имеют пользу? Для чего они?

– Каждая вещь, каждый предмет имеет свою пользу – сказала бабушка.

И тут вдруг девочка увидела, как пролетающая мимо их балкона птичка на лету схватила одну пушинку и улетела.

– Бабуля, я сейчас видела, как одна птичка схватила пушинку и улетела с ней. Зачем она ей?

– Птичка ловит эти пушинки и несёт в своё гнездо, чтобы её деткам, её маленьким птенцам, было тепло и мягко. Вот видишь, внучка, даже маленькая тополиная пушинка и та имеет свою пользу в жизни.

Вовкины сны

Однажды в макулатурном хламе мне попалась на глаза небольшая тонкая книга без обложки и названия. Это были рассказы неизвестного автора и очень интересные. Данный рассказ составлен по мотиву одного из тех рассказов.

Как ворвался ветер в этот маленький дворик, окружённый со всех сторон стенами дома, непонятно. Он носился по двору, вовлекая в себя пыль и мусор и как бы кусал все на своём пути. Вот он поднял обрывок газеты, который стал метаться по воздуху, словно обезумевшая птица. Вовка заторопился домой, а ветер, наконец, с размаху налетел на дерево, дрогнувшее всей своей кроной, и повис на его ветвях. Один лист отвесно упал на землю. Вовка поднял его и пошёл к своему подъезду. Закрыв за собой тяжёлую дверь, мальчик опять увидел кошек. Они сидели перед дверями и уже не мяукали, как раньше, а едва слышно испускали в изнеможении жалобный и недоумевающий хрип. Они просились к хозяевам вторую неделю, круглые сутки мяукали надрывно, но им не открывали.

Когда Вовка поднялся на последний этаж и оглянулся, они уже сидели в некотором отдалении и умоляюще смотрели на него.

- Ну чего увязались? – сердито сказал Вовка. – Я, понимаете, ещё маленький.

Вовка говорил с ними, жестикулируя, как разговаривают с иностранцами, не понимающими языка.

– Мне с вами, понимаете, мама жить не разрешит.

Кошки слушали молча и печально на него смотрели. Вовке вдруг стало стыдно, что он так грубо говорит с ними. Он все эти последние дни близко принимал к сердцу их потрясение и недоумение и жалел кошек. Ведь всё было хорошо совсем недавно – всегда их ждало блюдечко молока, по вечерам их хозяева с лестницы звали: «Кыс-кыс», а они ещё думали, идти им домой или ещё немного погулять. И вдруг всё переменялось, и им даже двери не открывают, а они уже устали мяукать и проситься и охрипли.

Вовка уже извинительно сказал:

– Понимаете, вас никто, никто не обижает, просто двери заколочены и там никого нет. Просто у людей война началась, и все на фронт ушли или уехали в эвакуацию.

Вовка долго учился выговаривать это трудное новое слово.

Рыжая кошка, с тонким, будто вымоченным в воде хвостом, повернулась и медленно стала спускаться вниз по лестнице. Казалось, что до неё до первой совершенно ясно дошёл смысл вовкиных слов. Когда он закрывал за собой дверь, она уже мяукала на площадке четвёртого этажа слабо, бесстрастно по привычке.

В том, что животные способны нас понимать, убеждены многие люди – из любви к ним, из потребности добра. А в одной из жарких стран есть племена, которые даже в наше время всерьёз убеждены в том, что обезьяны – те же люди, но они притворяются, что не умеют говорить, чтобы их не заставили работать. Но это уже крайность – ведь человек один так отделён от остальных непроходимым барьером разумности, и поэтому он всегда будет искать точки соприкосновения и сходства с другими животными. В человеке подсознательно заложен этот комплекс преодоления одиночества.

Вовка подумал: «Они, наверное, меня поняли, они умные. Но что толку, что поняли – им нужен хозяин, чтоб заботился о них и кормил их. Они ведь не умеют работать, их

кормить надо – они же домашние животные».

И тут его осенила мысль: «А кошки умеют ловить мышей. Надо выпустить их на улицу, они проберутся в подвал, где живут мыши». И сразу вспомнил, как горевала соседка: её кошку загрызли крысы в подвале.

– С крысами – то кошке вряд ли справиться.

С этими мыслями Вовка разделся и прошёл в зал. Уже вечерело, скоро мама должна прийти с работы. Вовка подошёл к окну, спустил затемнение и забрался на диван с ногами. В комнате было тихо и темно, и Вовка задремал. Ему снилось, что он сидит на подоконнике и смотрит в окно и видит, что всю крышу соседнего дома облепили кошки. Они сидели даже на деревьях, слегка покачиваясь, словно большие птицы.

Вовка прыгнул с подоконника, и тут раздался истошный кошачий визг и вой. Выла сирена. Вовка не сразу сообразил, что это тревога, и потом, шатаясь, побрёл к двери. Позднее спящего Вовку мать отнесла на руках из бомбоубежища домой. Она вернулась как раз к отбою тревоги.

Вовке шёл седьмой год. Отец его погиб в шахте перед самой войной, и он по-детски переживал то, что его отец не будет на фронте защищать страну от врагов. Вовка был любознательным и впечатлительным мальчиком. Играя во дворе, он прислушивался к разговорам взрослых. Чаще всего они обсуждали положение на фронте, и из их разговоров Вовка узнавал, что немцы наступают, и очень много солдат наших погибают в боях с врагом. После этого Вовка переживал за наших солдат и ненавидел фашистов, которые никаких прав не имели нападать на нашу страну.

Вовка подружился с дядей Петей из соседней квартиры. Он был военным и иногда забегал в свою пустую квартиру – семья его была в эвакуации где-то на Урале. Вовкина мать целыми днями пропадала на заводе, и дядя Петя, зная это, всегда навещал мальчика и приносил ему что-нибудь из еды. Он обычно подбадривал Вовку и говорил:

– Держись, Вовка! Потерпи немного, вот кончится война.

Пойдёшь в школу учиться, и друзья твои все вернуться. Гордись своей мамой – она на заводе снаряды делает для наших солдат.

И Вовка гордился своей мамой. А однажды дядя Петя сказал ему, что на днях уезжает на фронт. После этого известия Вовка очень расстроился. Он сел на диван с горькой мыслью, что долго теперь не увидит своего друга и что виной этому – война. А вдруг и его убьют на фронте, и ни он, ни его родные его больше не увидят?

Под эти тяжёлые думы Вовка задремал. Ему снился сон. Ему снилось какое-то поле сражения, кругом было темно, и эта тьма изредка озарялась вспышками света. И тогда были видны какие-то деревья, искорёженные орудия и люди, бегущие сквозь дым. Вдруг кто-то тяжёлый навалился на него, придавил к земле, а потом потащил куда-то.

– Пустите меня, пустите, – плакал Вовка, но его никто не слушал. Наконец, его бросили на землю. – Всё равно дядя Петя выйдет из вашего окружения, – кричал он.

И вдруг снова всё переменялось. Он лежит в траве, кругом тишина. В ярком лунном свете он видит огромное поле, сплошь покрытое гранитными плитами, как на кладбище. Он видит, как плиты медленно приоткрываются и из-под них выходят наши солдаты с винтовками на плечах. Они выстраиваются в длинную шеренгу. Вовка молча встал рядом с ними и вдруг он увидел дядю Петю, он был ранен в руку. Вовка бросился к нему: – Дядя Петя, вы ранены?

– Смирна-а-а! – страшным голосом закричал дядя Петя.

– Вольна-а-а! – снова закричал он.

И тут Вовка проснулся и увидел, что над ним склонилась мать.

– Ты что, сынок? Наверное, тебе сон плохой приснился?

– Я дядю Петю видел во сне. Он был ранен в руку.

– Раненого-то – это полбеды. Хорошо, что не убитого, – сказала мать, явно чтобы успокоить сына.

Кот Василий

Начинаю свой рассказ словами из стихотворения Н. Тихонова «Переулочек кота» - этот переулочек действительно существует в Париже, и назван он в память о коте, который ловил в ручье рыбу для больного хозяина.

Вам всем, собаки – сторожа границ,
Вам, лошади, что быстролётней птиц,
Олени тундр, глотатели снегов,
Верблюды закаспийских берегов –
Я не смеюсь и говорю не зря,
Спасибо вам от сердца говоря
За дней труда, за скромность, простоту,
Уменьше делать всё на чистоту.
Хочу, чтоб вас, зверей моей земли,
За вашу помощь люди берегли!

Я хочу рассказать о коте Василии, которого назвать просто Васью язык не поворачивается, к тому же в дальнейшем он приобрёл и заслуженную фамилию себе. Незадолго до начала войны наша семья переехала в новый шатровый дом на два хозяина. Посёлок был новостройкой, и все дома пока строились в один ряд окнами на пруд. От дома до пруда было метров триста, вернее до кустов, которые скрывали пруд. Рядом с новостройкой начинался сосновый бор, и улица наша была вся заросшая разнотравьем – прямо у домов мы рвали разные цветы. Ближе к кустам было много старых пней, на которых осенью было много опят, а в ближнем лесу было много разных грибов.

Вот на этом приволье наши родители решили завести домашнюю живность – кур, гусей и корову. С нами в новый дом переехал котёнок. Это был пушистый белый кот с рыжими ушами и в высоких рыжих сапогах. Его все любили и ласкали, ему многое прощалось на первых порах, но потом

ему стало попадать, например, за то, что он устраивал настоящий переполох во дворе, гоняясь за курами и утками. Его стали частенько наказывать за чрезмерную шалость – за шиворот и в чулан, так называли небольшую тёмную кладовку в сенях.

Однажды отец сказал, глядя на кота:

– Какой он котик? Настоящий уже котище! Давайте звать его посolidнее – Василием.

Так и пристало к коту это имя. Василий был на редкость умным котом, а ведь давно известно, что коты глупее кошек. Со временем Василий стал понимать совершенно ясно, что у своих хозяев во дворе нельзя гоняться за курами и даже не трогать злого петуха, который однажды так больно клюнул его в бок. Но инстинкт охотника у него рос и развивался с каждым днём. Летом было настоящее раздолье для Василия – он бегал за стрекозами, бабочками и пропадал целыми днями у пруда. Он пристрастился ловить мальков и лягушат. Прoberётся за кусты и, сидя там на кочке болотной травы, ждёт добычу. Василий сидел на кочке и терпеливо ждал, когда в воде между кочек появится жертва и тогда он лапой – хват! И добыча у него в когтях! Вот за это он и получил свою фамилию – Рыбкин.

Зимой Василию было скучно – мышей он, видимо, всех разогнал и блаженно лежал весь день на диване или в кухне грелся на печке. Вместе с ним до поры до времени дремала и его охотничья страсть, и в этом мы ближе к весне убедились.

Однажды мать принесла с базара три десятка инкубаторских цыплят в большой коробке. Кота не было дома – был месяц март, и он часто отсутствовал по известной всем причине. Мы с интересом разглядывали маленьких цыплят, эти пищание жёлтые пушистые комочки. Мы накормили их крутой пшённой кашей и поставили коробку с цыплятами на печку, где было теплее. Мать опустила занавеску и сказала:

– Теперь надо следить за котом, гоните его от печки, его теперь нельзя оставлять одного в кухне.

Цыплята попищали – попищали и затихли. Так и росли они под нашей общей охраной.

А однажды рано утром мать пошла доить корову и не заметила, как кот проскочил с улицы в дом – ночью его не было. Когда мать вернулась, её насторожило то, что в кухне было необычно тихо – когда она уходила, цыплята пищали. Сразу мысль – где кот? Она резко отдернула занавеску и ахнула – цыплята горкой лежали около коробки мёртвые, а Василий лежал рядом с видом победителя.

– Ах ты, душегубец! – мать схватила кота за шиворот, вытащила на улицу и отбросила его от дома.

Дня три Василий не показывался у дома, а как только показался на глаза матери, она успела огреть его хворостинной и снова прогнала его от дома. После этого он не появлялся на глаза нам недели две. Он, конечно, обиделся, не понимая своей вины – он же ни одного цыплёнка не съел, для хозяев старался и вот тебе награда!

Так, наверное, рассуждал Василий, ставший бездомным.

К тому времени наш пруд уже освободился ото льда и кот, скорее всего, пропадал там, промышляя себе еду. Мы, дети, его жалели очень, а мать всё гнала и гнала его от дома.

Где-то в начале июня, к вечеру, смотрим – идёт наш кот от ворот уже по двору, а в зубах у него что-то чёрное и это «что-то» волочится по земле.

Младший брат закричал:

– Смотрите, Васька змею поймал!

– Да нет, это наверное уж – их у нас в пруду полно, – сказала мать.

Дети испуганно отошли в сторонку, а Василий прямиком на крыльцо, положил свою добычу и лёг рядом. О чём думал сейчас наш Василий? Скорее всего, в его незаурядной кошачьей голове было одно – теперь меня не выгонят, про-

стоят. Так оно и вышло. Отец подошёл к нему и сказал:

– Не бойтесь, это он угря поймал! Вот молодец! На полкило потянет! – и потрепал кота по голове. – Есть ты его, конечно, не будешь, и придётся нам его зажарить.

После этого случая Василия снова приняли в дом, и он довольный, часами лежал на крыльце и грелся на солнышке, но азарт к охоте его никогда не покидал, и это его сгубило. В своём дворе он никого не трогал, но охоту устраивал периодически – бегал за чужими курами и утками. Хозяева этой живности с палками гонялись за Василием и ругали его на чём свет стоит. Однажды он отбил от курицы-клушки цыплёнка и схватил его. Хозяйка увидела и стала кричать:

– Давно пора убить этого гада! Давно пора утопить его в пруду!

Конечно, наш Василий был не безгрешен, но не могли же мы посадить его на цепь, как собаку – это было бы насилем над природой кота, прирождённого охотника. Не все это понимали или не хотели понять, и в конце лета Василий пропал – нашлись злые люди. Мы жалели Василия и часто его вспоминали.

Военное детство

Современной молодёжи, нашим внукам трудно сейчас понять, какие лишения и трудности пришлось пережить нам, детям времён Великой Отечественной войны. Целое поколение людей лишилось нормального детства. Когда началась война в 1941 году, мне было восемь лет, я уже была записана в первый класс (тогда в первый класс записывали с восьми лет). Родители мои успели до 22 июня купить мне портфель и кое-что для школы. Дело в том, что сразу после объявления войны с полок всех магазинов всё исчезло куда-то. За мылом, солью, спичками были огромные очере-

ди – люди паниковали и покупали всё, что ещё можно было купить. Моя мать целыми днями пропадала в очередях за чем-нибудь. Так начиналась для нас война, и только позднее мы узнали её истинное лицо с её бомбёжками и взрывами.

Впереди были пять трудных военных лет, когда вся страна перешла на военный режим и работала под девизом «Всё для фронта, всё для Победы!» Хлеб стали давать по карточкам – триста грамм на человека, а рабочим – пятьсот грамм. Соль, спички, сахар, мыло – это был дефицит.

Люди учились из чего-то варить сами мыло, стирали бельё с горчицей. Если в доме не было спичек и нечем было растопить утром печь, люди выходили на улицу и смотрели у кого из соседей из трубы дымит (значит печь топится), брали ведро и шли за горячими углями. Этими углями растапливали печь, зажигали «мигушки», и при их тусклом свете дети собирались в школу, а взрослые на работу. Про эти «мигушки» следует сказать особо. В посёлке электричества не было, и лампы были не выгодны – много керосина тратилось, да проблема встала со стёклами к ним. Ну а мигушки делались из простых консервных банок и фитилей. Конечно, было много копоти и мало света, но привыкали ко всему тогда.

Не было тетрадей, писали на старых журналах и книгах. В школе тетрадные листочки давали только для контрольных работ. Ручки тогда были деревянные с железным наконечником для вставления пера, а перья были разные и назывались – рондо, пионер, лягушка. Это перо-лягушка ученикам нравилось больше всех остальных. Как всегда, ручки часто терялись, и тогда перо просто привязывалось нитками к палочке или к карандашу. В перьях дефицита не было потому, видимо, что их до войны изготовили достаточно много, и мальчишки придумали игру в перья – они выигрывали их друг у друга.

Мой город, где прошло моё непростое детство, тогда на-

звался Мелекесс – сейчас он стал Димитровградом и расположен он на восточном берегу Волги. Напротив него, на западном берегу, расположен город Ульяновск, бывший Симбирск – родина вождя Октябрьской революции В. И. Ленина. Во время войны там было много военных заводов, и немцы прилетали часто их бомбить. Обычно бомбили ночью, и по законам военного времени строго следили за затемнением всех объектов и всё тщательно маскировалось. Благодаря этому, немецкие бомбы часто не попадали в цель, а попадали в Волгу, и в темноте немецкие самолёты даже перелетали Волгу и бросали бомбы на нашу сторону и от этого страдали прибрежные сёла. Взрывами выбивало стёкла в домах, и поэтому стёкла переклеивали полосками бумаги. Особенно тревожно было нам, когда шли бои за Сталинград – настроение тревоги передалось нам от взрослых – враг был у Волги! Мне запомнилась на всю жизнь одна тревожная зимняя ночь. Помню, было морозно, ярко светила в окна луна – мигушку мы не зажигали, и никто не спал. В полночь приехал отец, как инвалид он не был призван на фронт и работал одним из руководителей в городе. Машин тогда мало было, и начальство ездило на лошадях. Помню, как тогда отец сказал матери, что сейчас решается судьба страны и всех нас. Мы, дети, молча сидели на кровати и очень боялись, что к нам придут немцы – нас у родителей было трое. Отец был начальником одного из отрядов, дежуривших по городу. Он сидел за столом не раздеваясь и вполголоса разговаривал с мамой. В эту ночь мы узнали, что идут тяжёлые бои за Сталинград и что немцы туда бросили все свои силы, что город весь разгромлен бомбёжками, и нашим войскам там очень тяжело. Как мы были рады потом, когда услышали по радио, что немцы не выдержали и сдались в плен вместе с генералом Паулюсом! Это был перелом в войне с врагом, это была главная победа тех дней. Ещё много дней и ночей наши солдаты будут гнать врага с родной земли, впереди ещё будет битва под Курском, про-

рыв блокады Ленинграда, штурм и взятие Берлина, но победа под Сталинградом была для нас тогда очень важна – враг не должен был закрепиться на Волге.

Эта победа вселила уверенность наших солдат в том, что враг будет побеждён.

Хотелось бы сказать ещё вот о чём. В это тяжёлое время страна не забывала о детях и периодически для детей выдавали дешёвые конфеты или сахар, а в школах детей подкармливали – давали кусочек хлеба с сахаром на завтрак. Основная пища была – овощи, они спасали нас в то время. Город наш в то время был маленьким, в основном были частные дома с огородами. Самое трудное время наступало для населения весной, когда заканчивались все запасы овощей, а картофель на семена тоже нужно было как-то сохранить. Помню, мать с семенного картофеля срезала части клубня с глазками, а из серединок варила нам суп. В такое голодное время люди рвали лебеду, крапиву и варили супы. Эта трава не успевала вырастать, и был неписанный закон: не рвать эту траву с корнем, чтобы она могла отрастать. Крапива, лебеда, Иван-чай, одуванчик – это травы-спасительницы, и недаром они растут рядом с жильём человека и приходят ему на помощь в трудные минуты.

Работая на садовом участке, я рву эту траву-лебеду и приговариваю:

– Не обижайся, лебёдушка, я тебя не обижу, я тебя не брошу, я тебя отнесу соседям для гусей и коз – пусть полакомятся! Вон какая ты выросла! Как тебя не хватало нам в войну!

Конечно, тот, кто не пережил это сам, тому это трудно понять. Я живу в Кузбассе с 1955 года, он стал мне второй родиной, здесь я более 30 лет проработала в школе, вырастила детей и внуков, а как увижу эту траву лебеду, сразу вспоминаю и войну и мой родной город на Волге, и своё непростое военное детство.

СОДЕРЖАНИЕ

Старый сад	3
Таёжная встреча	6
Бухарские мотивы	8
Сундук	12
Ильма	16
Судьба Сашки	21
Две шинели	28
Колдунья	31
Хорошие люди	38
Страшная находка	44
Вопреки пословице	48
Ночной взрыв	50
Рождение шахтёра или Новенький на участке	56
Как обезьяна раков обижала	59
В город пришла зима	62
Барабанчики	64
Вот такое знакомство	66
Ответ с достоинством	69
Звуки природы	71
Случай на даче	72
В троллейбусе	74
Случай на лесной дороге	75
Покаяние	78
Роспись в старой книге	83
Разговор с внучкой	87
Вовкины сны	88
Кот Василий	92
Военное детство	95

Римма Лобова

СТАРЫЙ САД

рассказы

Сдано в набор 29.05.2012 г. Подписано к печати 18.06.2012 г.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура "Times".
Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,93. Тираж 100 экз. Заказ № 827.
Электронный набор и фото предоставлены заказчиком.

50 pyd. 00 ^{APR 1968} KC.

